

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ ЗЛАТЫХ КЛЮЧЕЙ

ПОВѢСТЬ ИЗРЯДНАЯ И ЗѢЛО ПРЕУДИВИТЕЛЬНАЯ
О ПЕТРѢ, КНЯЗѢ ФРАНЦУЖСКОМЪ,
И О ПРЕКРАСНОЙ ЕГО КНЯГИНѢ, О МАГИЛЕНѢ,
КРАЛЕВНЕ НЕОПАЛИТАНСКОЙ,
КОТОРАЯ ВО СВОЕЙ КРАСОТѢ И ДОБРОДѢТЕЛИ
РАВНОЙ СЕБѢ ВО ВСЕМЪ СВѢТЕ НЕ ИМѢЛА

В королевствѣ французскомъ много есть волных князей, между которыми во единой странѣ бысть благородный князь именемъ Вольфангъ. Той имяше жену, княжескаго роду, именемъ Петронилу, французской королевне сестру родную, с которою имѣлъ единаго сына, ему жъ было имя Петръ. Той, сый во младыхъ лѣтахъ своихъ, имѣлъ охоту к дѣламъ рыцерскимъ. Егдаже бысть в лѣтахъ, ни о чѣмже иномъ помышляше, токмо о шурмованьѣ¹, бѣгу конскомъ с копьемъ, и орудии рыцерскомъ. Прилучи же ся во едино время, яко обычай бываетъ, о чемъ же кто помышляетъ, к тому и сердце свое прилагаетъ. Видя отецъ сыновнюю породу, яко склоненъ есть к дѣламъ воинскимъ, содѣла великий пиръ для великихъ господъ в королевствѣ французскомъ, на который пиръ возвал сродниковъ своихъ с сыновьями своими, чтоб да помогли бесѣды рыцерской сыну его, на то благоохотнѣ произволи. Егдаже приближися уреченный² день, съѣхалися всѣ с сыновьями своими. Коль тамо благообильне угосподствовал, о том долготы ради не хошу мешкати³. Но послѣ стола отцы сотвориша рѣчь къ сыновьямъ своимъ, дабы всякъ в них на добродство свое помня, ничтоже стыдяся между собою испытати бы рыцерскаго искусства, понеже имъ сие сотворенно лѣпотствуетъ.

Яко князь Петръ нынѣ же промежъ иными славными рыцери храбрство свое показалъ. Потомъ указалъ князь Вольфангъ изготвити полату и красить всякими утвари велми прекрасну, такъ же и мѣсты, на которыхъ стояли отцы ихъ и матери з девицами видѣти сыновъ своихъ рыцерство, которое промежъ ими будетъ. И князь Петръ храбрство великое над ними учинилъ и никоторой не могъ противенъ быти, и ни у кого такой силы и умѣнья не было. И вси князи почели его имѣть за большаго рыцера. И для того рыцерскаго дѣла и всякихъ его умныхъ речей всѣ его за то любили и во всемъ ево хвалили.

---

¹ турнир (*польск.*); ² назначенный; ³ подробно рассказывать.

Яко Рыгардусъ наговорил князя Петра, дабы ѣхал х кралю Неопалитанскому.* ¹Луци же ся¹ на тотъ часъ тутъ же быть единому человеку, именемъ Рыгардусу из королевства Неопалитанского, которой видѣлъ такое его богатырство и над всѣми великое рыцерство князя Петра, сердечне его возлюбиль и сталь ему говорить, чтоб онъ в дому отца своего не жилъ, чтоб во иныхъ государьствахъ и по многимъ царьствамъ ѣздил, и свое счастье и великую славу богатырскихъ ради своихъ дѣлъ восприялъ, честь от великихъ кралей и иныхъ посторонных² государствъ, и такъ ему рекъ: «Богатырство временно есть и скоро минѣтся, слава же добрая и учтивая богатырская во вѣки славна. И часто ее люди воспоминають». Услышав то, князь Петръ с великимъ веселиемъ и охотою с молодости своей извыклъ³ к дѣламъ рыцерскимъ и шурмованию, и велми ему тѣ рѣчи полюбились.

Князь Петръ сталь Рыгардуса спрашивать: «Скажи, гдѣ, в котором обрѣсти государствѣ мнѣ такой славы себѣ?» И Рыгардусъ ему сказалъ: «Великий княже Петре, есть великий краль Неопалитанский. К нему съѣзжаются на шурмованье и для великихъ рыцерскихъ дѣлъ кравевичи и князи и всякие великие рыцери и вельможи. В томъ дѣле тѣхъ рыцерскихъ людей краль любить, а все для того, что есть у него дщерь, именемъ Магилена, вельми прекрасна, и на свѣте ея нѣсть краше. И краль многое богатство въ тѣхъ рыцерскихъ людей тратить». Услышавъ то, князь Петръ вельми обрадовался и стал мыслить, како бы доѣхать до того королевства, потому что и прежде сего об той прекрасной кравевне Магилене от иныхъ многихъ людей слыхалъ. И сталь мыслить какъ бы у отца своего и матери отпрашиватца.

Яко князь Вольфангъ съ княгинею своею Петронилою в печали великой и в жалости изволи сына своего отпустить въ посторонныя государства. Во едино время князь Петръ пришедъ к отцу своему и матери, стал ихъ молить и бити челомъ: «Милостивый государь мой отче и милостивая государыня моя мати, прошу вашей отеческой милости и благословения, повольте мнѣ ѣхать в ыные посторонные государства, всякихъ ради рыцерскихъ дѣлъ отвѣдать и себѣ богатырской славы заслужить от великихъ кралей. А слышалъ, отче, я, что в ыныхъ государьствахъ кравевичи и княжата от своихъ отцовъ ѣздят и всякие богатырския добрые славы заслуживать. Прошу вашей к себѣ милости отеческой, изволите меня отпустить, также счастья своего отвѣдать, какъ инья моя братия великой себѣ славы получают». Услышав отецъ его и мати такое от него прошение, стали ему со слезами говорить: «О чадо наше милое, толко намъ и утѣхи, ты наше радость и веселие при старости нашей, что ты единъ, а нынѣ хочешь ты от насъ прочь отѣхать, ты намъ будешь убойца обѣимъ. И при такой при старости нашей станемъ мы ту-

¹—¹ случилось; ² иноземных; ³ привык.

жить и с великой своей печали по тебѣ помремъ». И иными многими словами стали его уговаривать, чтоб перестал то мыслить и прочь бы не ѣхал.

Услышавъ то князь Петръ у отца своего и матери такую рѣчь, вельми опечалися и многие дни не бысть радостен, и мало что вкушаше, всегда печален бѣ.

Видя отец и мать хотѣние сына своего, с великимъ плачемъ и печалию позволили сыну своему ѣхать в посторонняя государства.

И взявъ отецъ его к себѣ, сталъ его наказывать¹ и рече ему: «Сыне мой возлюбленный, отпускаю я тебя в ыные государства. Слушай приказания моего, бойся Бога и молися во дни и в нощи, будешь от Бога помилован и от нас благословенъ, имѣй дружбу з добрыми товарищи».

Потомъ взяла его мати к себѣ и стала его всякими словами наказывать, чтобъ за добром ходилъ, а худа бѣгалъ. И дала ему три драгие златыя персни з драгими каменьи. И дала ему чепъ златую и рекла ему: «Возлюбленный сыне мой, даю тебѣ благословение свое, прими и береги прилѣжно. И какъ взглянешь на сие мое благословение, вспомни и наказание наше». И тако отпустиша его съ великимъ плачемъ и рыданиемъ, и жалостно бѣ отъпускъ его всему княжению ихъ.

Яко князь Петръ доѣхал до краля Неопалитанского, и какъ приѣхал до него, доведяся всякихъ изычаевъ и нравовъ и чиновъ двора королевскаго. Выѣхавъ он славный рыцерь из своего государства и ѣздил по розныхъ государствахъ с великою славою. Потомъ приѣхал х королевству Неопалитанскому, во градъ, гдѣ пребывал краля Неопалитанский съ королевою и съ прекрасною королевною Магиленою. И сталъ на дворѣ у единого добра человека в добромъ дому и сталъ господина дому того спрашивать о изычаехъ и всякихъ чинахъ двора королевскаго, всѣх по ряду, какъ што доведетца у нихъ в королевствѣ. И человекъ той, видя удатного² и мудраго у себя постояльца, сталъ ему все розказывать подробну, что какъ ведетца на дворѣ королевскомъ, а потомъ сказалъ: «Не великое время тому, приѣхал единъ рыцерский человекъ именемъ Крапяня на дворъ королевский, которой в справахъ³ своихъ рыцерскихъ искусенъ и мудръ. И краля его с великою честью принялъ. И тот рыцерь билъ челомъ кралю, чтобъ пожаловал, указалъ выкликать рыцерей на шурмованье, чтоб кто выискался сильнѣе ево, потому что онъ надѣялся на свое рыцерские мудрые дѣла и силу. И краля указалъ выкликать и уставить день битвѣ. А все то чинилъ для дщери своей прекрасной королевны Магилены». Потом князь Петръ сталъ спрашивать: «Друже милый, мочно ль иноземцу приезжому на томъ рыцерскомъ дѣле быть, повольно ль к тому шурмованью ѣхать?» И реклъ ему господинъ:

¹ наставлятъ; ² доброго, славного; ³ в делах.

«Вседушно ради всякому человеку вольно ѣхать, толко бы кто умель шурмовать и добръ головою своею былъ».

Услышавъ то, князь Петръ сталъ ждати дни того уреченнаго, на который день будетъ шурмованье рыцарское. И велѣлъ здѣлать два ключа златые* самым добрымъ мастерством, и велѣлъ ихъ к шелму¹ придѣлать, чтоб онъ в том рыцарскомъ шурмованье у краля и у всѣхъ былъ знатенъ. И какъ пришелъ день уреченный, и князь Петръ вставъ рано и шелъ в церковь помолитися Господу Богу. Потомъ пришедши, велѣлъ коня оседлать и урядъ² добрый и дорогой конской положить. А самъ въ збрую³ одѣялся и велѣлъ единому человеку своему съ собою изготовитца, которой велъ коня его простова в нарядѣ, на котором ему битися было. И иных людей много во одеждах шло, которые несли за нимъ копье и шелмъ его со златыми ключьми.

А какъ было послѣ обеда стали съезжатца на мѣсто уготованное, гдѣ быть шурмованью, и славные великие рыцери, и князь выѣхалъ нъ тожъ мѣсто. И какъ всѣ съехались рыцери и потомъ краля с королевю и съ прекрасною королевною Магиленою. И иныхъ много вышло зрѣти на то рыцарское дѣло, на изготованное мѣсто высокое, отколѣ видѣть имъ было всѣхъ рыцарей славных. А рыцери стали другъ против друга, князь Петръ, яко приѣзжей человекъ, сталъ далеко от нихъ на послѣднемъ мѣсте.

Выехал одинъ от краля велможа и реклъ имъ королевскимъ словом, чтобъ всякъ своего счастья отвѣдывал и славы показалъ друг противъ друга.

Потомъ князь Петръ сълъ на своего добраго коня и взявъ свой шелмъ на главу и копье в руки и сталъ по тому ѣздить, метаючи копьемъ в высоту и в ширину. И шурмуячи такъ изрядно, что ему стали все дивитися и другъ друга стали спрашивать, отколѣ сей рыцарь и какова роду. И никто не зналъ его, и онъ никому не сказался и людямъ своимъ заказалъ, чтоб не сказывали, какова онъ роду. Потомъ тотъ рыцарь, которой то шурмованье зачалъ, выѣхал и всѣмъ реклъ: «Милая моя братия любимая, нынѣ испытайте всякъ силы своей и родства своего». И выѣхал противъ его дворянинъ королевский, и такъ сильно оба два съѣхались, ажъ дворянина копьемъ с коня чюдъ насадилъ, естли бы люди не подхватили ево. И то увидѣлъ Гиндрикъ Крапяня и поставил себѣ за храбрѣство. А в то время конь набрушился⁴ на копье дворяниново и упалъ с нимъ. Увидѣвъ дворянинъ, что он с конемъ упалъ, напустилъ на него всею силою и повалилъ, и сталъ самъ себя хвалить, что онъ удержал рыцарство храброе. И всѣ стали хвалить дворянина, а того не видали, что ево конь на копье набрушился. Видя Гиндрикъ, что все хвалят дворянина, а не по правдѣ, не хотя больши того с нимъ съѣзжати.

Увидевъ то князь Петръ большую неправду дворянина того, хотя отмстить ту неправду его, и выѣхалъ противъ дворянина. И оба два ударились

¹ шлему; ² снаряжение; ³ здесь: доспехи; ⁴ напоролся.

столь крѣпко, что дворяниновъ конь никоимъ обычаемъ не состоялъ¹, от великаго заѣзду и удару князя Петра упалъ и з дворяниномъ на землю. Краль и всѣ предстоящи вельми удивились такой силѣ и богатырскому дѣлу и стали князя Петра выхвалять. И послалъ до него краль спрашивать, ис которой земли и какова роду, и какъ имя ему. И князь Петръ посланному от краля о себѣ повѣдал: «Буди королевскому величеству вѣстно, что я французской земли шляхтичъ небогатой, толко породы доброй, славы и чести себѣ заслуживать от кралей великихъ и от князей», а имени своего не сказалъ. Выслушавъ посланный от князя Петра рѣчи и сказалъ кралею Неопалитанскому, что сказался французской земли шляхтичъ небогатой, толко породы доброй, что славы и чести себѣ заслуживать от кралей великихъ и от князей, а имени своего не сказалъ.

Краль видя рыцера добраго челоуѣка разумнаго, в силѣ своей крѣпкаго, а что онъ имени своего и прозвища, и какой породы — не сказалъ, и краль сталъ мыслить самъ себе: «Конечно, онъ не простова, но добраго роду». И на томъ рыцерскомъ дѣлѣ и шурмованье князь Петръ от всѣхъ великую славу рыцерскую себѣ получилъ. Ни единъ противъ его стоять не могъ, кто с нимъ ни сѣзжался, всѣ срамомъ отѣзжали от него. И того ради ему краль и всѣ сенатори дали ему преднѣ мѣсто у всѣхъ рыцереувъ, и назвали его Рыцереувъ Златыхъ Ключевъ, потому что на шелму два ключа было золотыхъ придѣланы висящихъ. И в то время прекрасная королевна Магилена всѣмъ сердцемъ его стала любить и об немъ мыслить. Какъ он с копьемъ своимъ ѣздилъ по мѣсту и шурмовалъ любезно, а прекрасная королевна Магилена на него зрѣла, и сердце ея любовью по немъ распалилась. А какъ то шурмованье скончалось, и с мѣста почали розѣзжаться по домомъ своимъ, и какъ поѣхал князь Петръ к себѣ, и ево многие рыцери проводили, и великую честь воздали. И от того часу прошла про него великая слава во всемъ королевствѣ Неопалитанскомъ и в ьныхъ государьствахъ.

Яко королевна Магилена милости просила, молила у отца своего, чтоб указалъ выкликать к шурмованью рыцерскому, хотя видѣть еще храбрѣства князя Петра. Многому времени минувши, указалъ краль писать по многимъ государьствамъ, чтобы рыцери сѣзжались для шурмованья рыцерскаго, и у себя в королевствѣ указалъ выкликать охотниковъ рыцереувъ добрыхъ. И все то чинилъ для дщери своей, прекрасной королевны Магилены, а она для того, чтоб ей еще видѣть храбрѣство Рыцера Златыхъ Ключевъ. И всегда отца к тому приводила, чтобъ часто шурмованья были.

И какъ писание дошло до иныхъ государьствъ, многие рыцери были тому ради и стали готовиться на уреченный день к шурмованью и для славы, что разнеслася про Рыцера Златыхъ Ключевъ. И многие со всѣхъ странъ сѣзжались рыцерские люди в Неополитань-градъ для князя Петра. Всякъ хотѣлъ с нимъ

¹ устоял.

силы своей отвѣдать и славы показать. И какъ пришел уреченный день и часъ шурмованью, и съѣхалось вельми много славныхъ рыцрей на уготованное то мѣсто. Потомъ приѣхалъ князь Петръ в нарядѣ дорогомъ самъ и люди, и кони, что всѣмъ стало в подивление.

Потомъ всякой рыцерь по одному стали съѣзжаться с Рыцеремъ Златыхъ Ключевъ, и всякой с срамомъ отѣзжалъ, и всѣхъ посрамилъ силою своею богатырскою, и такъ большую славу восприялъ храбрѣствомъ своимъ.

Видя краль такое мужество князя Петра, дивовался такой силѣ и рекл сенатыремъ своимъ: «Подобаетъ намъ такова богатыря почтити и одарить за такое ево славное храбрѣство. И за прежнѣе его храбрѣство ничемъ мы его не почтили. Зрите ли, какой человекъ храбрый, и дородный, и умный. Знать, что онъ не простова роду, но великаго. И вельми бы тому я радъ былъ, кто бы мнѣ извѣстно учинилъ¹, какъ ево имя и какова он роду. Вѣдаю, что онъ французской земли, одно не вѣдаю, котораго роду. Я бы того пожаловалъ, кто мнѣ провѣдал про него». И всѣ сенатори обещались провѣдывать про него. И никто не могъ проведать ни от самого, ни от слугъ ево.

Потомъ указал краль Рыцера Златыхъ Ключевъ звать к столу. И князь Петръ былъ велми тому радъ, для того, чтобъ прилѣжно высмотреть красоту королевны Магилены, и умъ ея и рѣчи услышать и обычай королевский узнать, потому что во многихъ государствахъ дальныхъ от многихъ про красоту ея слышал.

И какъ пришло время к столу и князь Петръ, нарядясь в драгое платье, шелъ на дворъ королевской до столовой полаты. И вшедши, кралю поклонилъся и рѣчь ему учтиво выговорилъ. И краль сталъ его жалуючи выхвалять, и всѣ предстоящи у крала подивились рѣчамъ королевскимъ и милости к нему. И посадилъ его подлѣ своего мѣста, потомъ указалъ приити королевой женѣ своей и дщери своей, прекрасной королевне Магилене. И реклъ имъ краль, чтобъ оне помогли потчивать гостя Рыцера Златыхъ Ключевъ, а королевне Магилене указалъ за столомъ сѣсть противъ рыцера князя Петра.

Потомъ зачалъ с нимъ краль говорить о всякихъ воинскихъ дѣлахъ, и онъ ему отповѣдъ² держалъ на всякую рѣчь умное, что всѣ издивовались уму его и рѣчамъ мудрымъ. Потомъ многие ѣствы нашены, и князь Петръ велми мало ѣлъ, зря на красоту ея и мыслилъ самъ себѣ: «Счастливый тотъ человекъ, которому дастъ Богъ сию прекрасную девицу въ сожителницы», а того не вѣдалъ, что самому ему далъ Богъ.

Потомъ, какъ столъ отшелъ, указалъ краль играть всякие утѣшные игры для королевны Магилены. И какъ тѣ утѣхи перестали играть, и краль изволилъ особѣ говорить королевне Магилене с Рыцеремъ Златыхъ Ключевъ. И сказалъ имъ, чтобъ онѣ вывѣдали от него, какова онъ роду. К тому изволению королевна

¹ узнал; ² ответ.

Магилена велми рада была, что с князем Петромъ говорить. И она ево велми возлюбила, мало за столомъ ѡла, все на него зрѣла. И такъ со обеихъ странъ великая тайна в сердцахъ ихъ любовь была. И велѣла кралевна с честью рыцера к себѣ позвати для размолвы¹.

Князь Петръ, услышавъ присылку кралевны Магилены, с великимъ веселиемъ воставъ с мѣста шелъ к ней. Какъ пришелъ, и кралевна рекла к нему: «Учтивый гостю и породный рыцерию, королевское величество, отецъ мой, отмѣнну милость имѣеть к людямъ рыцерскимъ, при немъ которые пребываютъ для богатырскихъ славныхъ дѣлъ. А приятнѣ то государю моему батюшку, которые с нимъ о великихъ воинскихъ дѣлахъ извѣстно чинять² и тѣмъ ево тѣшатъ. А видя великую славу твою, и добрыи нравъ твой, всякие умные и мудрые отвѣты твои, видя тожъ породный умыслъ твой, великою милостию и любовью к тебѣ сердечне приклонился и всегда тебя выхваляетъ и великое твое рыцерство славить и часто воспоминаетъ. Такъже и мати моя и я вседушно рада всякое добродѣйство тебѣ, а о томъ дивуемся, откуда тебя Господь к намъ принесъ, такъва великаго рыцера. Краль, государь мой батюшка, такъже и мати моя и я, и весь сенаторъ нашъ кралевский, на великое твое рыцерство и на богатырскую силу с радостию великою ради зрѣть, и на самого тебя, добраго рыцера, и всякую честь тебѣ воздавать».

Такие рѣчи услышавъ князь Петръ от кралевны Магилены, с великою честью и уклонкою³ воставъ, учинилъ на тѣ рѣчи отвѣтъ: «О великая кралевна! Недостоинъ я такой государьской милости, какую великую милость краль государь мой и милостивая кралева мати твоя ко мнѣ приказали, а отмѣнно неудобъ сказаема милость твоя, никакими моими к вамъ государемъ службами та милость ко мнѣ явится. Только я мышлю, ни во мнѣ богатырства, ни во мнѣ умныхъ словъ, за что ваша такая милость государьская ко мнѣ, да вижу, милость праведная Божия надо мною и ваша государьская неудобъсказаная милость. Нигдѣ инѣде не хочу пребывать, только у милосердия Божия и у вашей государьской милости. Видя, государыня прекрасная кралевна, вашу государьскую милостивую породу, и столь ко мнѣ, убогому челоуѣку, милость свою кажете государьскую, но всѣмъ богатымъ и убогимъ своего государьства и инова милость свою государьскую кажете и имя свое славите, о которой милостивой вашей славы я от многихъ людей въ посторонныхъ государьствахъ слышелъ, а нынѣ самъ милость вашу к себѣ обрелъ, то всегда уста мои, гдѣ ни буду, славу и милость явственно величать будут от нынѣшняго времени. Милостивая кралевна, убогий чужоzemецъ, молю, чтобъ могль быти при милости вашей послѣднимъ служебникомъ⁴ своимъ, а инымъ ничемъ такую вашу государьскую милость, толко должень Бога молить, гдѣ буду въ посторонныхъ государьствахъ, ваше государьское имя прославлять».

¹ разговора; ² знают толк; ³ поклоном; ⁴ слугою.

Услышавъ от него кралевна Магилена рекла к нему: «Великий рыцерю, не имѣю я такого неистовства, какъ ты себя нижишь¹, толко вѣдаю, что всякая въ тебѣ есть доброта, и всѣмъ тебя Богъ одарилъ, и далъ тебѣ мудрую богатырскую силу. Не толко нашему величеству королевскому то любо, но и всѣмъ постороннымъ государьствамъ то мило и славно. А государя моего батюшка и государыни моей матушки, и моя отмѣнная милость и любовь к тебѣ. И за такую твою славу рыцерскую и такихъ мудрыхъ твоихъ дѣлъ велми бы я тому рада была, чтобъ мнѣ почаще с тобою разговаривать. Всѣмъ еси ты мнѣ любь и милъ: рыцерством и дородством и умомъ. Радошна бы я была, чтоб ты у насъ при милости государя моего батюшка пребывалъ и прочь не отъѣзжалъ».

Услышавъ то князь Петръ такие милостивые рѣчи кралевны Магилены, всталъ, учинилъ отвѣтъ премудръ. Потомъ промежь ими были всякие многие рѣчи любительны². И с той ихъ общей бесѣды и милое другъ на друга зрѣние, объяло его помышление сердечное, иже тѣмъ сердцемъ своимъ и любовию приклонился к прекрасной кралевне Магилене. Потомъ стали розѣзжатця и рыцерь поклонился кралевне, исшел от нея ис полаты с великимъ веселиемъ.

А краль в то время былъ в столовой полате с сенатьями. И рыцерь пришел к кралю, и увидя краль его, пришелъ к нему и сталъ допрашивать имяни его и роду. И онъ всякими рѣчами стал от кралья отговариватся и таить родъ свой и больши того в рѣчи с королемъ не сталъ говорить, толко реклъ, что «французской земли шляхтичъ породной³, а ѣзжу по рознымъ государьствамъ для рыцерскаго дѣла», а имени своего и роду не сказалъ. И сталъ краль мыслить: «Конечно, онъ великаго роду, что таить, не сказываетъ». И князь Петръ поклонился кралю, и пошелъ на постоялой свой дворъ.

И князь Петръ пришелъ к себѣ на дворъ, сталъ про красоту кралевны Магилены мыслити и сталъ в великомъ замышлении, и почаль имѣть на мысли своей красоту кралевны Магилены, и милое промежь ими размолва, и другъ на друга зрѣние и прощение, что промежь ими было, такъ сердце его в великой сердечной тягости стало по ней.

А кралевна такожде пришедь к себѣ, мыслила о немъ и такъ любовию по немъ распалилась, что всю ночь не могла уснуть, все об немъ мыслила и рада б была, чтоб об немъ вѣдала, какова онъ роду и какъ имя ему: «А знать, что онъ не убогова, но большаго роду, что не стыдятся смѣло говорить с нами, королевскимъ величествомъ». И будучи в размышлении, не уснула всю ночь и умыслила увѣривъ сказать мамке своей, имянемъ Потанцыяне, которой прежде его всю свою тайну объявляла. Наутрѣ указала быть к себѣ мамке Потанцыяне и выслала всѣхъ ис коморы⁴ своей, и стала говорить мамке своей: «О возлюбленная Потанцыяна, всегда ты мнѣ вѣрна была, и послушество всякое творила, и о томъ ты попечение имѣла, о чемъ я тебѣ тайну свою открывала. Нынѣ на мя прииде

¹ принижаетъ; ² любезные, ласковые; ³ родовитый; ⁴ комнаты.

печаль новая невѣдомая кому, что объявить иному азъ не обрѣла, опричь тебя. И такая печаль на мя прииде, еще помышляю ея со всѣхъ сторонъ объимает мя тягость и лютая болѣзнь. Первое — не допустит меня величество и честь наша королевская, з другой стороны — въ стыдъ и боязнь, чтобъ не покорить¹ честь свою. И с которой стороны ни помышляю, отсюду на мя зло приходитъ. И вижу то, что мнѣ отбыть здоровья своего от печали сей».

Услыша то, мамка ея Потанцыяна стала ее утѣшать от печали ее и рекла ей: «О милостивая моя кралева, общаю тебѣ, убогая, что мнѣ мочно учинить, и в чемъ помощь подать для твоей милости, хотя чрезъ мочь мою будетъ, то учиню. Не услышиш тоже чтобъ худое слышать и в печали видѣть здоровье твое. Лутче мнѣ самой умереть, нежели въ скорѣби тебя, великую кралева, видѣть. А нынѣ вижу тя в лицѣ премѣнну² и печальну велми. Хошу вѣдать, о чемъ имѣешь такую печаль великую и тяжкую. Естьли мочь моя будетъ, хотя смерть прииму, а тебѣ пособлю, только молю тя: не утай от меня. Извѣстно тебѣ, великая кралева, что я тебѣ во всемъ вѣрна была. А нынѣ наипаче обещаюся тебѣ и вѣру даю, что таить и никому не сказывать и помощи давати, естьли мочно мнѣ в чемъ послужить вашей милости».

Потомъ кралева рекла к ней: «О возлюбленная Потанцыяна, издавна ты мнѣ вѣрна была, а нынѣ сама я не вѣдаю, отколѣ на мя сия невѣдомая печаль прииде».

И нача ей сказывать и рекла: «Нынѣ открываю тебѣ тайная сердца моего, возлюбленная моя Потанцыяна. Вѣдаю подлинно, что ты слышала о Рыцере Златыхъ Ключевъ, который недавно приѣхал к намъ королевскому величеству, и такую тутъ великую славу о себѣ одержалъ над иными великими рыцери. И о том ты подлинно вѣдаешь, вчерашняго дня былъ у отца моего, королевскаго величества, у стола, и противъ меня былъ посаженъ за столом. И видѣла я, какъ онъ на меня прилѣжно и умилно зрилъ. И какъ из-за стола после ѣствы вѣстали, в тотъ часъ краль государь мой батюшко изволилъ кролевой матери моей, такъ же и мнѣ с нимъ рыцеремъ особно говорить. И с тѣхъ учтивых и умных его речей и милой нашей бесѣды всѣмъ сердцемъ своимъ ево возлюбила. И естьли б аз вѣдала, что онъ роду добраго, конечно, я никого сожительника себѣ, опричь его, имѣть не хотѣла бы. И то вѣдай, милая моя Потанцыяна, что всѣмъ сердцемъ и от всея души своя ево возлюбила и опричь ево возлюбленнаго имѣть не хошу».

Услышавъ то Потанцыяна и рекла к ней: «Великая кралева, в великое удивление привела меня нынѣ. И от тѣхъ твоихъ словъ впала в великий страхъ и трепет, и ужасеся сердце мое. И не вѣдаю, какии мнѣ отвѣтъ тебѣ слова дать. Вѣдаю, что дѣло сие немалое, и тебѣ, кралевне, непристойное. Вижу, что к злу идетъ, а не к добру. Сама ты, милостивая моя, прежде того рекла, чтобъ королевскому величеству к чести, а не к позору, чтоб и намъ всѣмъ было за радость, какъ

¹ уронить; ² изменившуюся.

мы вашей королевской милости чаемъ всякова добра и чести, и славы. Бывъ дщи великаго краля, такъже можешь быть великаго краля жена для своей красоты и чести. А нынѣ хочешь попорочить род своей великий, не знаешь, кто онъ и какова роду, а хочешь быть жена его. А мы слышали, что онъ неболшаго убогова роду, шляхтичъ земли французской. И нынѣ молю тя, милостивая кралевна, чтобъ изволила сию мысль отринуть, и о немъ не мыслить, и къ сердцу своему не прилагать печали доброй. И чтоб ты изволила разсудить сию мысль, потому что дѣло сие несбытное, никогда того не будетъ и не поизволятъ сродичи твои, чтоб ты была жена рыцера того, потому что никто ево не знаетъ, откуда онъ приѣхал и какова роду. А хотя б онъ и сказался роду честнаго, и тому вѣрить нѣчему: конечно, онъ обманетъ, и обесчестя, васъ покинетъ, и от того будетъ всѣмъ намъ великая печаль. И такъ, милостивая кралевна, изволь помыслить, чтоб к позору не прийти. И непристойну ты мысль имѣешь, вашему королевскому величеству».

Егда услыша кралевна Магилена рѣчь от мамки своей Потанцыяны, что не к помышлению ея дивно сердцу своему, и от тяжкой сердечной любви лице ея побледнѣло, и от памяти отошла и обмерла, потому что сердце ее было люто сердечною любовью велми обято к рыцерю, такъ рещи¹, что сама себѣ волна не была. И по маломъ времени пришла в себѣ въ память и рекла Потанцыяне мамке своей: «О милая Потанцыяна! вижу вмѣсто утѣхи и прокладу, бѣдному и тяжкому и печальному сердцу моему скорби и еще болѣ скорби додаешь. Гдѣ нынѣ твоя любовь и служба, которая прежь того была во всякихъ дѣлѣхъ и послушна ты была мнѣ и помагала мнѣ во всемъ? Нынѣ вижу, что хочешь ты меня сама своими руками съ сего свѣта збыть и от твоихъ такихъ рѣчей, что сердце над всѣхъ лучше возлюбило, а ты того безщестишь. И нынѣ вижу, что во время великой печали моей тяшко приятеля добраго сыскать. О невѣрная Потанцыяна, яко бы узрила, яко тяшко и дивно печалию изранено сердце мое во мнѣ, и ты бы попеклася обо мнѣ. Вижу я, что хочешь пред очима мене мертвую, и то скоро узришь, естли ты мнѣ иной мысли и помощи не подашь. А вѣдаю я, милая моя Потанцыяна, что сердце мое не худова себѣ возлюбило, знать, что онъ великаго роду, потому что онъ человекъ умныи, и мудрый, и смѣлый, и дородный. По всему показуетъ, что не простова роду, но добраго и честнаго. И вѣдай то подлинно, что oprичъ ево, иного супружника себѣ не хочу имѣти, потому что сердце мое тяшко по немъ болить, и естли будетъ дале того, смерти same себѣ предамъ от твоихъ такихъ грубныхъ речей». А рекши то, заплакала горько, и от великой жалости упала на свою постелю, и от памяти отошла, аки мертва.

И узрила мамка ее Потанцыяна, что такую великою любовию сердце ее было обято по рыцере, поднявъ ея, рекла к ней: «О великая прекрасная кралевна! востани от тяшкой печали и не сокрушай сердца своего, вѣру ийми обща-

¹ сказать.

нию моему: на что воля твоя лежитъ, то буду чинить и всяческии помогать». И королевна от тѣшкѣ своей печали не скоро вѣстала, и Потанцыяна велми того устрашилась, зря на королевну, и мнила, что она умре. И по малом времени королевна очьхнулась от тѣшкѣ печали своей. И Потанцыяна стала ее тѣшить и рекла к ней: «Вижу, прекрасная королевна, тѣшко болѣзненное то дѣло, что ни во что и честь, и доброй родъ, ни во что и здоровье свое для друга милова. Вижу и того, какъ велми возлюбила и здоровье ни во что ставишь. В чемъ мочно, рада вамъ от всего сердца помогать обоимъ».

И рекла к ней королевна Магилена: «От великаго тѣжкаго жалу не вѣдаю о чемъ бы иномъ тебѣ приказать, только прошу тя, довѣдайся от него, что имя ему, а чаю, онъ тебѣ скажетъ. И естли б свѣдала, тѣмъ утѣшила сердце свое». И Потанцыяна обещалася ей довѣдатца от него про его имя.

Яко Петръ князь былъ въ церкви и яко Потанцыяна с нимъ говорила и какъ послалъ перстень х королевне Магилене. И князь Петръ всегда ходилъ в церковь на молитву, прилучи же ся приити в ту же церковь Потанцыяне помолитися. И князь Петръ шель из церкви, Потанцыяна же остановила его и рекла к нему: «Рыцерию великии, не поставь во осудъ¹, ест нѣчто тайно с тобою переговорить». И князь Петръ учинилъ ей честный поклонъ, что видѣлъ ея прежде того за королевною, какъ былъ у стола королевского, и сталъ слушать прилѣжно рѣчи ея. Потанцыяна, видя великую уклонность рыцери к себѣ, рекла к нему: «Великий рыцерию, многое время пребываешь у королевской милости, а всѣмъ людемъ великое подивление, что не поволишь по се время имени своего и роду объявить. А в королевствѣ нашемъ всѣ вѣдають, что слава твоя богатырская, и рыцерская, и обычай учтивый, и мудрость речей твоихъ, и дородство само объявляетъ тебя, что ты ест роду великаго, да не объявишь ни королевскому величеству, ни сенатыремъ нашимъ.

Объявляю тебѣ, великий рыцерию, что я ни от королевскаго величества послана, ни от санатырей, только естли бы ты изволил объявить, котораго роду и какъ имя твое, вѣдала то, что утѣшенные и велико милые вѣсти принесла к прекрасной королевне Магилене, потому что она того жадеетъ, чтоб онаго довѣдатца про имя твое. А естли бѣ от меня, служебницы своей, довѣдалась и до меня найпаче была милосерда, нежели к инымъ». Услышавъ то, князь Петръ замолчал и доумѣлся², что по наукѣ королевны Магилены и рѣклъ Потанцыяне: «Хвала Богу, что меня Господь Богъ почтилъ в семъ государствѣ, найпаче на дворѣ королевской милости. Вѣдаю, честная Потанцыяна, умысль вашъ и за великое счастье себѣ получаю. А то найпаче ставлю себѣ въ счастье, что хочешь тѣмъ милость приять от королевны Магилены, что про имя мое объявить. Скажу тебѣ: „Есть много причинъ, для того я имени своего и роду не объявлю”.

¹ не осуди; ² догадался.

А для того что к тебѣ кравлена Магилена найпаче милосерда была, и для тѣхъ вѣстей кравелна весела б была, и до нынѣшняго дня никакому человеку не объявлявал и не вѣрилъ никому, а сего часу отсылаю с тобою тайно х кравелне, чтоб то никому не повѣдано было тайно б, что я княжева роду, а имя своего не скажу. А на увѣрение того, что истинно вѣру держала кравелна, даю знакъ, милый подарокъ, перстень. Вѣдаю, что есть много и дражае того у нее, только что у меня здѣсь лутче, тѣмъ и челомъ бью. Какъ я отѣзжалъ из дому отца своего, и благословила милостивая государыня мати моя для памяти, чтоб я ее не забывалъ».

И взявъ тотъ перстень Потанцыяна у князя Петра, и рекла ему: «Великий рыцери, все то, что я у тебя слышала явственно, объявлю прекрасной кравелне Магилене и обѣщаюся всякие добрые рѣчи кравелне за тебя говорить». Отшедши Потанцыяна и стала мыслить: «Нынѣ вижу, что кравелна правду рекла, что онъ честнаго роду. Нынѣ я и сама узнала». И пришедши х кравелне Магилене, стала всѣ его рѣчи сказывать и его самого хвалить всякими похвалами и поднесла ей перстень.

Кравелна выслушав у Потанцыяны по ряду¹ и приняла у ней перстень с великою любовию и честью и радостию, и рекла к ней: «Видь нынѣ, возлюбленная моя Потанцыяна, что сердце мое слышало и сама узнала по ево дородству и смѣлости, и уму мудрому, и храбрости великой, знать и по ево дорогому нраву, что онъ не простова роду. А вижу и то, что умысль любовной ево есть ко мнѣ, только надобно мнѣ его искутить, что подлинно ли онъ меня любить, а я ево люблю такъ, нежели сама себѣ, и то тебѣ сказываю нынѣ, что, конечно, иного не хочу себѣ в мужа имѣть, oprичъ того великаго рыцера. И лучше мнѣ умереть, нежели умысль свой переменить. А что его здѣсь нѣтъ, то перстнемъ стану утѣшаться». И поцѣловавъ тотъ перстень с любовию. Видя Потанцыяна такую любовь кравелнину к рыцери и рекла ей: «О великая государыня кравелна, вижу, что ты свою мысль всѣмъ сердцемъ преложила к *тому* рыцери. Я того не хвалю, что столь скоро хотѣние свое к сердцу своему приключила. Какъ тебѣ первѣе того рекла, такъ и нынѣ, что дѣло сие нестаточное и нечестно королевскому роду вашему, и починаешь не розмысля, и хочешь въ скоромъ времени поддаться незнаемому человеку и возлюбить ево всѣмъ сердцемъ своимъ. И от тое любви чтоб позору не было девичеству твоему. Не толко кравелному величеству отцу и кравеле матери твоей, но и всему нашему государству не честь учинишь и жалость великую наведешь. И то мнѣ видится зло, что в такую печаль впала и великую кручину сердцу своему привлекла по томъ рыцере».

Услышав кравелна такие рѣчи, рекла к ней яко з гнѣвом: «Дивлюся я тому, что ты испущаешь рѣчи, а на мысли держишь иные. Вижу я, что у тебя из одныхъ устъ и холодъ и теплость сего часу. Ты того великаго рыцера хвалила

¹ по порядку.

всякими добротами, сего жъ часу ты его позоришь и хулишь и называешь его чюжеземцомъ и непороднымъ человекомъ. Не хошу я того видѣть, что в тебѣ такие обмѣнные¹ слова приговариваешь и ко мнѣ, что не розмысля и непристойное починаю дѣло. И ты то видишь сама, что не к позору, ни к злу нашему королевскому величеству, но к чести и к супружеству къ случению замужества. Вѣдаю то подлинно, что он великаго роду, и такъ въ гнѣвъ не поставлю, скажи мнѣ, что худое начинаю и нечестно, не розмысля, и болѣ того меня не розговаривай, и меня въ гнѣвъ и печаль не приводи. Не розвѣсть тебѣ любви нашей, и впредь бы того не называть иноземцом, называй его моимъ супружником, а своимъ государемъ. И вѣдай, что ему сожительница буду и до смерти с нимъ жить въ любви».

Видя Потанцыяна волю королевнину и стала мыслить, чтобъ въ чемъ не прогнѣвать и милости ея не отбыть. Рекла Потанцыяна: «Вѣру ими мнѣ, великая королевна, какъ тебѣ, так и тому великому рыцерю рада служить и во всемъ повелѣние ваше хранить. А нынѣ вижу, что мысль твоя королевнина хошетъ с нимъ законный бракъ прияти, чтобъ въ скором времени сталось. А какъ я тебя общалась во всемъ слушать и во всемъ помогать, и нынѣ такъ же обещаюся и готова творить, что изволишь, тебѣ, такъ же и тому рыцерю великому».

Услышавъ королевна такие рѣчи от Потанцыяны, престала от печали и стала вельми милостива к ней, и рекла ей, чтобъ тайно хранила, никому не повѣрила и во всемъ бы помощь подавала. Общалася Потанцыяна пред Богомъ королевне, что ее слушать и повелѣние ее творить.

И королевна стала ее любить и жаловать такъ, какъ душу свою.

Яко князь Петръ во второе видѣлся с Потанцыяною и какъ объявилъ любовь свою х королевне Магилене. И князь Петръ многое время Потанцыяну ждалъ, чтобъ ему видѣть. И пришелъ въ церковь, на том же мѣсте Потанцыяну обрѣлъ, гдѣ прежде сего с нею видѣлся, и сталъ ей вельми радъ. И пришедъ к ней, Потанцыяне поклонился ниско. И реклъ, чтобъ она гнѣву не держала, что смѣло к ней пришелъ. И Потанцыяна рекла: «Великий рыцерю, не токмо что презрѣть, но вельми рада твоей милости, что тебя, государя, увидѣла въ добромъ здравии». Отвѣщаль князь Петръ Потанцыяне: «Мнѣ то великая радость, что мнѣ Господь Богъ велѣлъ видѣти тебя в добромъ здравии, вельми тому радъ для того, что пребываешь при милости королевны Магилены. Ея милостивую славу не вижу, прекрасную королевну Магилену, нынѣ, на тебя зря, утѣшаюся для того, что ты во всемъ вѣрна королевне Магилене, для того еще тайну сердца своего открываю тебѣ, Потанцыяна».

Услышавъ же Потанцыяна такие рѣчи от великаго рыцера, была тому рада и рекла к нему: «Великий рыцерю, буде тебѣ есть нѣчто тайно мнѣ по-

¹ обманные, лживые.

вѣдать, а ты мнѣ что повѣдаешь, вѣрно буду таить. А кому изволишь повѣдать, тому и скажу».

И князь Петръ стал ей повѣдать, как ево объяла сердечная любовь и тоска по королевне Магилене и какъ неудобъ печално сердце ево по ней.

Выслушавъ Потанцыяна слова князя Петра, отвѣтъ дала ему: «Великий рыцерю, не дивуюся тому, что добрые наши сердца к доброму умыслу придутъ. Я вашему дѣлу не буду спорить ни в чемъ. А гдѣ мочь моя будетъ, стану вамъ радѣть и служить. А то вѣдай подлинно, что королевна так же и тебя любить, какъ ты ее. Только прошу тя, чтоб ты правду реклъ, чтоб то ваше дѣло было честно, чтоб позору не было. А то вѣдай, королевне мыслить, что законный честный бракъ с тобою приять. Только от тебя не знаю, какъ ты мыслишь, чтоб какова зла от тебя не было».

Отвѣщаль князь Петръ: «Господа Бога даю на свидѣтельство, что правду повѣдаю: иного не мышлю, только о законном бракѣ с нею и честном житии нашемъ, чтоб добрымъ людямъ видѣти было честно и на славу королевскому величеству и к чести».

Потом Потанцыяна рекла: «Дивлюся я тому, честный рыцерю, многое время при королевской милости живешь, а никому имени своего и роду не скажешь».

Князь Петръ отвѣщаль ей и реклъ: «Господу Богу обещаюся никому не сказывать имени своего, только вѣрному своему приятелю, а иному не объявлю. А естли королевна про мое имя изволит вѣдать, и я самъ объявлю ей. А естли ты хочешь, что от тебя королевна свѣдала, и ты скажи, что я тѣмъ именемъ, которой больши всѣхъ ис апостоловъ, и королевна будетъ разумѣть, какъ имя мое. Да прошу твоего приятства: поднеси сий малый подарокъ, чтоб поволила принять за болший дар», и далъ ей другой перстень лучши перваго.

Потанцыяна, взявъ перстень, шла до королевны Магилены, и пришедъ х королевне, узрела ее в великой печали и жалости. А королевна, какъ увидѣла Потанцыяну, и стала ее спрашивать, чтоб она добрыхъ вѣстей сказала: «А я, дождаючися тебя, в великой печали сидѣла». И Потанцыяна, видя королевну вельми печалну, и стала ее тѣшить, и рече: «Дивлюся я, милостивая королевна, что вельми припустила болѣзнь къ сердцу своему, по томъ рыцере тужишь, а он по тебѣ найпаче, только умыслъ ево к законному браку и толь вельми печалится ни о чемъ об ыномъ, только о твоей милости. Дасть Богъ, учинится ваше дѣло: а то вѣдаю, что онъ великаго роду княжева. И ты, прекрасная королевна, престань от печали и к тому надежду держи. И прислалъ к тебѣ перстень, и просилъ милости, чтоб ты приняла сий перстень за болший даръ».

Услышавъ королевна, взявъ перстень, и обнявъ Потанцыяну, поцѣловала и стала молить Бога на добрыхъ вѣстяхъ и обѣщалась впредь к ней милосерда быть, и найпаче того стала вельми утѣшаться тѣмъ перстнемъ, всю свою печаль отверже, и стала спрашивать про имя его. И Потанцыяна рекла ей: «Какъ я стала

его спрашивать про имя его, онъ мнѣ рекль: имя такъ, какъ болшаго апостола имя нарицають». И королевна увѣдала, что имя его — Петръ, той большой верховный апостоль. И говорила Потанцияне, чтоб пораждла, какъ бы рыцерию быть к ней и с нимъ королевне единъ на единъ обо всякихъ рѣчахъ переговорить.

Назавтрѣ Потанцияна шла к церкви и увидѣла рыцерию, к церкви идуща. И пришедъ к нему честию, поклонилась от королевны и о здоровье спрощала, и рекла: «Достойно вамъ, великий рыцерию, самимъ промеж себя увидѣться и о великихъ рѣчахъ переговорить, чтоб вашъ добрый умысль, законный бракъ въскорѣ учинилъся. И о томъ изволь с королевною самъ видѣться. Завтрѣ, послѣ обеда, приди к королевскому двору, есть подле королевскаго саду малые воротцы, въниди в нихъ и прямо поиди въ полаты, гдѣ королевна пребываетъ, а тамъ иного никого не будетъ, только королевна да я».

Услышавъ то, князь Петръ вельми тому радъ бысть и рекль Потанцияне: «Нынѣ даю тебѣ Господа Бога по себѣ порукою, что ни для какова зла умысль мой, только для истиннаго законнаго браку, и буду с нею жити до смерти своей во всякой честности». Услышавъ, Потанцияна вельми тому рада бысть и рекла: «Утверди, Боже, умысль вашъ во всякомъ добрѣ, а не в худѣ». И пришедъ к королевне, всѣ ево рѣчи сказала, и какъ онъ былъ тому вельми радъ, что изволила к себѣ бысть для особаго разговору.

Князь Петръ ждалъ того часу, какъ ему итти к королевне и какъ у нее быть. Наутрѣ князь Петръ ждалъ уреченнаго часу, какъ велѣла ему быть королевна к себѣ, и какъ пришелъ тотъ часъ, нарядясь в драгое платье, и шедъ к тѣмъ воротцамъ, гдѣ ему Потанцияна указала. И видѣхъ ихъ отверсты, вшедъ и замкнулъ ихъ. И шель прямо вверхъ, к самой спальной полате, гдѣ королевна опочивъ держала¹, а королевна и с мамкою ожидала ево.

И князь Петръ въшедъ въ полаты к королевне и поклонился с великою честию. И королевна, какъ ево узрела, и от великой своей печали велми рада бысть. И видя, что онъ, князь Петръ, застыдился, а королевна на него утѣшно зрѣла. И князь Петръ, видя красоту королевнину, изумѣлся и слова не могъ изрещи. Потомъ опаметовался, палъ на колѣни свои предъ нею, и рекль: «О милостивая моя королевна, прекрасное лице твое видѣхъ, и сердце мое престашилось, показася лице твое и красота не человекская, но ангельская. Нѣсть такова человека на семъ свѣте, кто бы равенъ был красотѣ твоей. И увидя милость твою к себѣ, не могъ ничемъ инымъ отслужить, только же буди по воли от Бога, чтоб Господь Богъ во всемъ почтилъ тя, чего ты от Господа желаешь».

Услышавъ королевна такие слова от князя Петра, вставъ с мѣста своего, приказала ему сѣсти и рекла к нему с великою радостью и желаниемъ: «Честный и великий рыцерию, сердце мое жалостно, чтоб с тобою наединѣ пере-

¹ спала.

говорить обо всякомъ нашемъ дѣлѣ. И честность роду твоего, и то все к тому мя привело, что тебя возлюбила всѣмъ сердцемъ и для того указала тебѣ быть к себѣ для особой с тобою бесѣды. А зря на честную твою породу, чаю того, что ты меня не обесчестишь и не осудишь, что тайно к себѣ взяла, и о своей, что и о твоей, чести держуся. А коль скоро тебя увидѣла и храбрѣе твое, что в королевствѣ нашемъ показалъ, и сердце мое по тебѣ такъ тяшко стало болѣть, что изрещи не мочно. И не могу иного нарещи ты и никако ты возвати¹, только сердечнымъ своимъ приятелемъ. А что я тебя от всего сердца люблю, утаить, чтоб тебѣ того не сказать. И дай же сердечъ нашихъ обѣихъ мысль в добромъ здоровье и в скоромъ времени то честное дѣло совершилося».

Услышавъ князь Петръ отвѣтъ, и рекъ ей: «О милостивая королевна, видя я милость вашу несказанную к себѣ. И сердце мое тяшко изравнено любви по тебѣ. Радъ вѣчно милость твою найпаче хранить и о томъ милости прошу ты, чтоб ты во гнѣвъ не поставила, что безъ всякаго опасения надѣяся на твое милосердие к тебѣ милостивой своей, пришелъ. И надѣяся на то, что служебникъ вашей королевской милости, не могъ послушаться приказу вашего. И милости у тебя, королевна, прошу, чтоб к слугѣ милосерда была и по воли своей, гдѣ изволила, на службу послать того ради. А что опасение имѣешь о приходѣ моемъ, и я милости твоей не осудчикъ, только вѣчно долженъ служить и здоровье твое во всемъ хранить».

Услышавъ королевна такие укромныя² рѣчи и умилныя рыцеревы, рекла к нему: «Вѣдай, великий рыцерь честный, что я тебя принимаю не за служебника, но за милова друга и приятеля. Только молю ты, изволь сказать имя свое и честный родъ твой, ибо никто не вѣдаетъ имени твоего, а нынѣ прошу ты: повѣждь мнѣ».

И князь Петръ отвѣщалъ ей: «Великая королевна, обѣщался Господу Богу выѣхавъ из своего государства, из дому отца своего, никому имени своего не сказывать, опричь приятеля своего и друга вѣрнаго и сердешнаго, которую дастъ Богъ мнѣ. А видя *что* королевское ваше величество становится мнѣ другомъ и добрымъ приятелемъ, нелзѣ мнѣ у тебя того утаить, только объявлю тебѣ единой. Прошу ты, милостивая *королевна*, прикажи, чтоб мамка твоя вонъ вышла». И королевна велѣла Потанцыяне вонъ вытти. И какъ вышла Потанцыяна, и князь Петръ рекъ: «Нынѣ, прекрасная королевна, все тайное сердца своего открываю тебѣ. Какъ я былъ в дому отца своего, и единъ добрый человекъ из вашего королевства лучилъ быть въ гостяхъ у отца моего и, увидя меня, сталъ говорить мнѣ, чтоб я у отца своего в дому не жилъ, чтоб ѣхалъ въ посторонныя государства и отвѣдалъ бы своего счастья и рыцерскихъ справъ. Найпаче мнѣ сказаль о королевскомъ величествѣ, отцѣ твоємъ, какая милость к рыцеремъ, которые пребываютъ при его милости, сказаль же мнѣ и про красоту твою, пре-

¹ называть; ² тайные.

красной королевны. И услышал я тѣ ево рѣчи от него, сталь о том велми радѣти, чтоб приѣхать в сие королевство. А отецъ мой и мати моя никакими мѣрами не хотѣли меня отпустить, потому что я единъ у нихъ сынъ былъ. И то изволь, милостивая моя, вѣдать, что отецъ мой князь Вольфангъ — зять краля французскаго, князь вольной, а мати моя Петронила, королевой французской сестра родная. А имя мое есть Петръ. Нынѣ изволь вѣдать, что не простова роду. А для того не сказывалъ имени своего, что есть много честныхъ людей у королевскаго величества в рыцерскихъ дѣлѣхъ, чтоб про меня никто не вѣдалъ, кто я».

И какъ услышала королевна ту рѣчь, велми тому радовалась и рекла: «О честный и великий рыцерю, какъ я первѣе сказала, что ни за слугу, но за милова своего приятеля и друга точию. И то вѣдай, что всемъ тебѣ уклонна, будь ты самъ мой приятель и стражъ чести моей, потому что ты мнѣ есть любезный друг и приятель сердцу моему. И не знаю, чѣмъ бы мнѣ тебя почтить за такую великую любовь». И потомъ сняла с себя чепъ золотую, драгую, с каменiemъ самоцвѣтным и положила на перси его и рекла ему: «Приими, вѣрный мой приятель, сей мой малый даръ для вѣрной памяти промежъ нами, чтоб во всякой добротѣ и честности с тобою быти и тебѣ бѣ мое дѣвичество хранити во всякой чистости до уреченнаго дня».

Услышавъ то князь Петръ, с великою честью учинилъ niskий поклонъ королевне, и билъ челомъ за такую неизреченную еѣ премногую милость. А потомъ вынявъ третій свой перстень, и поднесъ королевне, и такъ реклъ ей: «Всю свою утѣху и благословение, что от матушки своей имѣлъ, дарую тебѣ, милостивой своей». И королевна с великою честью и любовью приняла тот перстень и обѣщалася ему любовь и милость к нему имѣть, и онъ ей такожде. И по многих рѣчахъ мило простился. Князь Петръ пошелъ с великиимъ веселиемъ, а королевна такожде вельми была весела с той бесѣды общей и забыла всю свою прежнюю печаль. И призвавъ мамку свою Потанцыяну, и сказала ей всѣ ево рѣчи, что онъ ни сказывал, и показала третій перстень, что ей далъ для любви. И королевна стала Потанцыяну спрашивать: «Каковъ тебѣ кажется, скажи мнѣ правду». И Потанцыяна рекла ей: «Милостивая моя государыня королевна, вижу межъ вами с обѣихъ странъ вѣрную и правдивую любовь. И видя учтивость и стыдъ, и великой умъ, и лице его прекрасное, и дородство, и я что на стыдливую девицу зрю, и во всемъ его возлюбила, и нельзя такого удатнаго рыцера кому не любить».

Услышавъ то, королевна Магилена вельми том утѣшилась и рекла Потанцыяне: «О возлюбленная и милая моя Потанцыяна, помниш ли ты и сама, какъ я тебѣ прежь то рекла, что онъ великаго роду, а не простова, потому что по ево дородству и уму, и красотѣ, и храбрѣству, и смѣлости, все то я по тому узнала, и хвалю Бога, что не худова возлюбило сердце мое, но добраго и честнаго роду. И о том молю Господа, чтоб нашъ умыслъ в добромъ здравье скончался».

Услышав то, Потанцыяна рекла к ней: «Милостивая кралевна, нынѣ ты всѣмъ сердцемъ своимъ приклонилася и любовь к рыцерю. О томъ молю тя, дѣлай твердо, чтобъ тебѣ в чемъ не промолвитца передъ иными девицами, чтобъ то дѣло явственнo не было. А естли свѣдаетъ кралевское величество отецъ твой, и милостивая государыня мати твоя, мнѣ и рыцерю живымъ не быть. А ты отбудишь отъ ихъ отеческой милости».

И кралевна рекла: «О милостивая моя Потанцыяна, вельми я тебя за то пожалую, что ты меня в такомъ дѣлѣ утверждаешь, чтобъ промежъ нами твердо было, и никто о томъ не вѣдалъ. Я и рыцеръ таить ради, только ты, пожалуй, таи». По тѣхъ рѣчахъ разошлись. А князь Петръ, пришедши к себѣ на дворъ, велми тому радъ былъ, что видѣлся с кралевною.

И приѣхалъ инъ рыцеръ Фридрихъ Скрыни к кралю Неопалитанскому к шурмованью, и какъ князь Петръ надъ всѣми храбрѣе учинилъ. Многое время спустя послѣ того, какъ былъ князь Петръ у краевны Магилены, приѣхалъ к кралю Неопалитанскому единъ славный рыцеръ земли французской, именемъ Андрей Скрыни. Тотъ, слыша о красотѣ прекрасной краевны Магилены, вельми возлюбилъ. И видя, что краль и кралева, и кралевна Магилена вельми любятъ рыцерское дѣло и рыцереви жалуютъ, хотя онъ тѣмъ краевне прислужиться, билъ челомъ кралю, чтобъ указалъ выкликать не только въ кралевствѣ своемъ, но и въ постороннихъ государствахъ к шурмованью рыцерскому храбрыхъ людей созывать, надѣясь на силу и дородство свое, чтобъ у всѣхъ и надъ всѣми рыцерство учинить и славы себѣ отъ всѣхъ воспрять.

Краль по ево челобитью указалъ выкликать во своемъ кралевскомъ государствѣ и въ посторонные государства указалъ писать листы¹, естли кто храбрый рыцерский человекъ, надѣясь на силу и на храбрѣе свое, и онъ быѣхалъ в Неопалитан-градъ к шурмованью. И учинилъ тому рыцерскому шурмованью уреченный день. И какъ услышали такой кликъ, и такие грамоты увидѣли, и многие добрые рыцери приѣхали на уреченный день в Неопалитанъ-градъ к шурмованью. И какъ пришелъ уреченный день, стали съѣзжаться славные и великие рыцери на уготованное мѣсто, гдѣ бытъ шурмованью, недалеко отъ кралевскихъ полатъ, по семъ съѣхались всѣ рыцери.

При той изготованной площади поставлены были два мѣста, велми украшены всякими драгими хитростями. На одномъ мѣсте стоялъ краль с сенатырми своими, а на другомъ мѣсте стояла кралева и прекрасная кралевна Магилена з дѣвицами. А Магилена межъ иными девицами стояла, что прекрасной цвѣтъ в красотѣ своей, и часто взирала на друга своего Златыхъ Ключевъ, а онъ сталъ позади всѣхъ рыцерей. Потомъ выѣхалъ Андрей Скрыни, по чьему челобитью то

¹ послания.

шурмованье случилось, и сталъ говорить всѣмъ рыцерамъ: «Великие рыцери, нынѣ всякъ своей силы отвѣдай и щастия своего, и великой славы себѣ учинить».

По тѣхъ рѣчахъ выѣхалъ противъ Андреа Скрыни имя рекъ королевич сынъ краля аглинскаго. И съѣхалися столь крѣпко, что у обѣихъ копыи сломались, и чудъ королевичъ имя рекъ с коня не упалъ, естли б люди его не подхватили, и стыдомъ с мѣста съѣхалъ. Потомъ выехалъ противъ Андреа Герардъ Ланцылатъ* королевичъ, и съѣхалися со Андреемъ, и от великаго заѣзду Ланцылатъ ссадилъ Андреа с коня копьемъ и с седла на землю упалъ. Увидя князь Петръ, приѣхавъ, крикнувъ великимъ гласомъ и рекль: «Нынѣ про здоровье государя моего милостиваго королевскаго величества и про здоровье королевой государыне моей, такъ особливо про здоровье государыни моей, прекрасной королевны Магилены». И скочилъ всею прыткостью своею, и ударилъ толь мочно с Ланцылатомъ, что под обѣими кони попадали.

Видя краля обѣихъ сильныхъ рыцерей, рекль своимъ сенатыремъ: «Видите, какая большая мочь тѣхъ силныхъ рыцерей, что под обѣими кони упали. Только рцыте¹ имъ, чтобъ онѣ еще съѣхалися, хочу видѣть, кто из нихъ сильнѣе и храбрѣе». И подвели имъ иныхъ коней, и какъ съѣхалися въ другоредъ, и князь Петръ всѣмъ скокомъ пустил коня своего такъ силно, что Ланцылота с конемъ съшибъ на землю, и руку ему выломилъ. И тому наѣзду краля и всѣ предстоящи велми стали дивитися. И рекль король: «Нѣтъ такова человека нигдѣ силою, который могль с Рыцерамъ Златыхъ Ключевъ противень быти²».

Видя то королевна, что милый другъ ея, Рыцерь Златыхъ Ключевъ силою своею такую великую славу приобрѣлъ, над всѣми рыцери, что никоторой не могъ съѣзжаться, всѣ с великимъ стыдомъ отъезжали, вельми тому радостна была, а перед тѣмъ того блюлася, чтобъ другъ ея в какой стыдъ не впалъ. И какъ всѣ с мѣста от рыцера отъехали, ни единъ не остался противъ Рыцера Златыхъ Ключевъ, и видя князь Петръ то, что никою нѣтъ на мѣсте, никто противъ его не стоитъ, снявъ с себя шлемъ свой и приѣхавъ к кралю и рекль: «Милостивый великий кралю, государь мой, во что изволишь храбрѣе мое поставить?» И краля к нему рекль: «Ставлю тебѣ в честь и в славу великую». И указалъ краля кликать по всему королевству, что Рыцерь Златыхъ Ключевъ великое храбрѣе учинилъ над всѣми великими рыцери, что никоторой не могъ ему противень быти. Королева и королевна прекрасная Магиленна и всѣ предстоящи великимъ гласомъ стали ея хвалить и здравствовать³ ему. И такъ его краля и королева любили паче мѣры, такъ же и всѣмъ государствомъ, и всякихъ чиновъ люди невымолвно любили и хвалили ея.

И какъ шурмованье скончалось, и розѣхалися всѣ великие рыцери и королевичи, и князи, всякий в домъ свой. А краля единаго человека не отпустилъ без дорогова подарку и честно ихъ отпустилъ во свои земли. И однако с великимъ

¹ скажите; ² противоборствовать; ³ приветствовать, поздравлять.

гнѣвом отѣхали, а все для того, что Рыцерь Златыхъ Ключевъ надо всѣми рыцерьство удержалъ.

По тому розѣханию князь Петръ долго терпѣть не могъ, чтоб не видаться с королевною, шель до тѣхъ воротецъ и нашель ихъ отверсты, и вшелъ в них, и шель прямо к полате королевниной, и вшелъ к ней въ комору, и поклонился ей. Какъ увидѣла королевна Магилена князя Петра, вельми возрадовалась и стала его хвалить, и рыцерьство его возносить, и всѣмъ счастиемъ его поздравлять. И князь Петръ, слышавъ тѣ похвалныя рѣчи, и реклъ ей: «Милостивая моя королевна, что я чинил храбрѣство, то все для твоей красоты. Многие хотѣли тебѣ тѣмъ прислужится и милость твою получить. И для того всею силою не жалѣя себя отпоръ давалъ. А все то для тебя, надежды сердцу моему, и твоею красотою великую славу себѣ обрѣлъ. Нынѣ вѣдай, возлюбленная моя, прекрасная королевна Магилена, велми ты в печаль ввела и дивно сердце мое изранила. И не могу я иного, только вѣчныи рабъ милости твоей».

Слыша то королевна и рекла ему: «Возлюбленный мой, рыцерю милый, можешь мнѣ безо всякаго опасения вѣрить, что и мое сердце по тебѣ неизреченно изравнено вѣрно и от всего сердца люблю тя паче себя. Только изволь промышлять сродичевъ моихъ, чтоб въскоре приити в законный бракъ с тобою, чтобы найпаче сердца своя любить промежь себя».

Слыша то князь Петръ хотя ее увѣрить, естъли она всѣмъ сердцемъ его любить безо лжи, сталъ ей говорить тѣ слова: «Прекрасная королевна Магилена, уже многое время тому, какъ я не видалъ отца своего и матери и сродцевъ¹ своихъ. А что я нынѣ поддалъ сердце свое послушеству твоему, что вѣрной слуга, не могу ничто учинить без изволения твоего, чтоб тебя не доложиться, потому что ты владѣешь сердцемъ моим. Нынѣ взявъ себѣ в умысль, чтоб своего отца и мать навѣстить, чтоб застать ихъ в добромъ здоровье и от нихъ благословение просить и милость отеческую получить, и не смѣлъ, чтобы не доложиться тебя, отѣхать. Потому что отецъ мой и мати велми печалны по мнѣ, что я от нихъ отѣхал и в старости покинулъ, блюдусь², чтоб они с печали не померли, тогда бы я былъ убойца ихъ. А по се время всѣ не вѣдаютъ, гдѣ я. И о томъ прошу твоей милости, пожалуй, поволь служебнику своему на малое время отѣхать, а въскоре к вашей милости буду», а говорилъ то все, искушаючи для любви ее к себѣ.

Услышавъ то, королевна залилась слезами, и красота лица ее переменилась, и от великой жалости от памяти отошла, и не могла слова промолвить и, опомятовався, рекла: «О несчастная и бѣдная на семъ свѣте девица! То, что сердце мое над всѣхъ лучше любить и надежду имѣеть, нынѣ из рукъ моихъ силою отъимется. О мой возлюбленный и великий рыцерю! Вижу я твое отѣхание, и то ты дѣлаешь добро, что рождение отцевское помнишь, то мнѣ вельми любо, а

¹ родственников; ² опасаюсь.

об ыномъ мнѣ вельми печално. Видишь ты, что всѣмъ сердцемъ я к тебѣ приклонилась. Не токмо что отсель не на большее время тебѣ ко отцу отѣхати, естли я тебя часъ не увижу, мнѣ тотъ часъ годомъ покажется. Хотѣла б бити челомъ, да не могу и глаголати, и тебя прогнѣвати. Давная пословица: государское челобитье к слугѣ своему вмѣсто разбою. Отложи то, чтоб ты здѣсь вовсе остался у насъ. Прошу твоей милости, изволь здѣсь на большее время, авось либа щасливое и доброе между нами учинится. Вѣдай то подлинно, естли б ты отъ насъ отѣхал, я бы на свѣте недолго жива была и, конечно б, сама себѣ смерти предала. На комъ тотъ грѣхъ былъ? И то вѣдаю, что сродичи твои великую печаль имѣютъ по тебѣ, что многое время тебя не видали, и не вѣдаютъ, гдѣ ты. А и тожъ худо было, естлибъ ты потерялъ меня, возлюбленную свою. Вѣдаешь, давно я рекла, что иного в мужа имѣть не хошу, oprичъ тебя, и Господу въ томъ общалась. Не буди же сердце мое, ты души моей губитель, и отцевской. Мнится мнѣ, что учинишь ты имъ великую радость, а я избуду и смерти, чтоб я вмѣсте ко отцу твоему с тобою ѣхала. А надѣюся на твою честную породу, что ты мнѣ въ дорогѣ позору не учинишь, въ дѣвической чистотѣ меня соблюдешь. И буде ты поѣдешь, учини то, возьми меня с собою и не прилагай боле печали к печальному сердцу моему».

Услыша князь Петръ жалостныя слова кралежны Магилены и вельми жалостно ему стало, и показалось ему, что сердце его от жалости распалилось, и рекль к ней: «О возлюбленная моя, прекрасная кралежна Магилена, отри слезы с плачливыхъ очей своихъ, дабы такая жалость твоя не сокрушила болѣ сердца своего: умыслилъ ѣхати ко отцу своему, а нынѣ оставлю то, поживу малое время. Авось-либо посчастит¹ насъ Богъ с тобою всѣмъ добрымъ. Избави Боже, чтоб я слышелъ, сердце мое, что ты въ такой печали была, я б лучше самъ то все принелъ, нежели тебя въ томъ слышать, и о томъ прошу твоей любви, утоли сердце свое от такового жалостнова гнѣву своего, которой жалости я вмѣсте с тобою имѣю. А я того не учиню и без твоего вѣдома не поѣду и тебя, возлюбленную, в печали не покину. А естли ты изволишь со мною ѣхати, то я общаюся пред Господемъ Богомъ, что быть оберегателемъ здоровья твоего и чести твоей дѣвической и до полуночнаго законна времени, никакова зла не будетъ от меня, и прежде сего тебѣ общался».

Слыша то, кралежна Магилена от плача престала и рада была, и рекла к нему: «Сердешный приятелю, слыша я такое твое общание, что хочешь оберегателемъ дѣвической чести моей, смѣло на то изволю я, что то твое общание не обманетъ. А какъ дастъ Богъ время и часъ приидетъ, и законное совокупление с тобою будетъ, тебѣ же и мнѣ тогда честно будетъ. И Богъ насъ за то помилуетъ, а я найпаче буду тебя любити, нежели сама себе, а чаеть, то помыслишь про сей мой умыслъ, что начинаю без ума, и я к тому все сердце мое приклонила и всею душею своею возлюбила, надеюся, что не безъ ума то дѣлаю. Только прошу

¹ оосчастливит.

твоей милости, чтобъ намъ здѣсь недолго жить, лучше намъ въскоре ѣхати для того, чтобъ нашей любви и совѣту не свѣдали б отецъ мой и мать, а естли провѣдаютъ про тотъ нашъ совѣтъ, тотчасъ за иного зговорят. И тогда будетъ от печали мнѣ смерть, а тебѣ будетъ по мнѣ скорбь. И такъ, мой возлюбленный, прошу твоей милости, много о томъ мысли, а вскоре дѣлай, чтобъ и намъ х какой печали не приитьи».

Егда услыша тѣ рѣчи князь Петръ, пал на колѣни свои, и поднявъ руки к высотѣ и рекль: «О великая королевна, возлюбленная моя душа, виждь, Господу Богу обещаюся, по его святѣй заповѣди во всемъ тебя обѣрегать и дѣвическую честь твою хранить до времени полуночнаго» И много промежъ ими добрые рѣчи были, и поставили себѣ уреченный день и часъ, что третьяго дня в полунощи ѣхать, а в тѣ дни князю Петру готовиться со всѣмъ, что надобно на дорогу, и приѣхать бы к тѣмъ же воротцамъ, гдѣ ходилъ онъ х королевне Магилене. И говорила, чтоб добрые кони купить, чтоб на дорогѣ не стали, и въскоре бѣ уѣхать из королевства отца ее. И князь шедъ на дворъ свои с великимъ веселиемъ и сталъ готовиться. А королевна ждала уреченнаго часу и тайно готовилась, никому не объявила — ни Потанцыяне, мамке своей, которая вѣдала всю тайну промежъ ими. И королевна боялась объявить, чтобъ не донеслось отцу ея. И такъ с обѣихъ странъ дѣлали тайно.

Яко князь Петръ в нощи увезъ королевну Магилену, и крабль, услышавъ, учинилъ погоню и приказалъ с прилѣжаниемъ и скать ихъ. И какъ настал третий день и часъ уреченный пришелъ, и князь Петръ възявъ с собою три коня, и приѣхал в полнощ к тѣмъ воротцамъ, и тамъ королевну обрѣлъ, а королевна ожидала ево стоя. Потомъ взяла себѣ королевна злата и сребра множество много, и драгихъ запань¹ и вещей всякихъ прерозорочныхъ. Князь же Петръ взявъ королевну и посади ее на конь, а на другой конь положилъ себѣ на потребу и королевне, что дорогою ѣсть, а на третий конь самъ сѣлъ. И поѣхали из града путемъ своимъ велми скоро, и всю нощъ ѣхали до самого свѣта. И какъ насталъ день, и князь Петръ искалъ себѣ мѣста, гдѣ стать в закрыте, чтоб ихъ никто не сыскалъ. И въѣхали промежъ высокими горами над моремъ в великий непроходный лѣсъ. И никакой человекъ в тот дальней лѣсъ не хаживалъ, и никто ихъ сыскать не могъ. И сталъ князь Петръ и с королевною в томъ лѣсу, и снял королевну с коня, и коня пустил на траву. А самъ с королевною в томъ лѣсе сѣлъ подъ древомъ, и промежъ себя многие рѣчи говорили, и потомъ сталъ королевну сонъ изнимать. И князь, видя королевну утомлену от той езды скорой, что к той конной ездѣ не привыкла, и сталъ ей говорить, чтоб она опочинулась². Королевна же Магилена легла, а главу свою положила на колѣни князя Петра, и от истому великаго скоро уснула.

¹ застежек для одежды, украшений; ² поспала.

Мамка ее Потанцыяна, вставъ рано, и шла х коморе кралевниной, ожидала ее, чтоб она встала. И какъ прииде к полудни, а кралевна не выхаживала, и Потанцыяна помнила¹, что кралевна занемогла и для того столь долго ис коморы не выхаживала, и Потанцыяна вошла в комору и кралевны не нашла, и того часу въспомянула, что ушла с рыцеремъ и не сказала никому. И бѣжала к рыцереву двору и довѣдалась, что онъ уѣхалъ. И скоро бѣжала в полаты кралевския с великимъ жалом и криком², от памяти отшедши. И сказала королевой, что искала кралевны и не нашла, и не вѣдаю, гдѣ она дѣлась. И какъ кралева услышала, велми устрашилась и велѣла искать с прилѣжаниемъ. Потомъ кралю донеслось, и краль велми тому печаленъ былъ. А провѣдавъ про рыцера, что он ушелъ, указалъ за нимъ ѣхать въ погоню многимъ людемъ, и посланные приѣхали назадъ, не сыскавъ рыцера и кралевны. И краль со всякимъ устрашениемъ спрашивалъ Потанцыяны про рыцера: «Прежде того хаживал ли онъ х кралевне, или нѣтъ?» И Потанцыяна клялась всякими клятвами, что не вѣдала и у кралевны про рыцера никакихъ речей не слыхала, и худа отъ нихъ не бывало. И такъ кралю и краleve велми было отѣзду ее жалостно и всемъ кралевству ихъ.

И какъ кралевна уснула, положила главу свою на колѣни князю Петру, и князь Петръ смотрилъ на красоту ее, и велми утѣшился глядя на кралевну. И тако ему велми было любо видя лице бѣло и прекрасно, уста румяны, и велми сталъ утѣшаться той неизреченной красотѣ. И не могъ удержаться, растегалъ платие ее противъ груди, хотя дале видѣть бѣлое тѣло ее. И увидя, найпаче сердце его разгорѣлось, и показалась красота не человѣческая, но ангельская. И запаметовавъ, кого порукою далъ, сталъ мыслить иное, неподобное дѣло.

Видя Господь Богъ ево неистовство и тотъ нечестной умыслъ его, изволил всю его утѣху отнять от него, не хотя видѣть обоихъ во грѣху и на позору. Рыцерь зря на тѣлесную красоту ее, и узрилъ межъ грудями узолокъ червчетой тавтяной³ на золотомъ снуркѣ, хотя довѣдатися, что есть в томъ узолкѣ, и вынявъ тотъ узолокъ, розвязалъ и нашел в немъ три перстни тѣ, что он ее подарилъ. А у ней тѣ перстни были, что на персяхъ своихъ носила, и глядя на нихъ, утѣшалась. И видя князь тѣ перстни, завязалъ ихъ в ту жь тафтицу и положилъ ихъ подле себя, и дивовался красотѣ ея, и сталъ в великомъ замышлении⁴ глядя на нее. И сердце его наипаче распалилось сердечною любовию и мыслию иною, неподобною, не к доброму делу. И в то жь время сидѣлъ на дрѣвѣ вранѣ, и увидѣлъ тот узолокъ червчетой, с тѣми перстнями, и прилетѣвъ ухватилъ, и възлѣтѣвъ с нимъ на древо, и надѣялся вранѣ, что мясо было.

Увидя князь Петръ, что воронъ унесъ узолокъ тотъ с перстнями, сталъ мыслить: «Что я учинилъ?» Тѣ перстни положилъ не в сохранномъ мѣстѣ. О злый вороне! Изо всѣхъ птицъ ты наведешь злое мнѣние возлюбленной моей

¹ здесь: подумала; ² жалобой и плачем; ³ из тафты, отделанной вышивкой; ⁴ задумчивости.

на мя», и тихо сложилъ главу ея с колѣнъ своихъ и побѣждалъ за ворономъ. А королевна того не слыхала и от великого истому крѣпко уснула. И воронъ тотъ з древа до древа лѣталъ, а тѣхъ перстней не покинул. А рыцерь за нимъ ходя, металъ камениемъ, и так велми далеко завелъ, а потомъ залетѣлъ с тѣмъ узолкомъ за губу морскую и сѣлъ на камени. Князь Петръ метал камениемъ и згонилъ его с мѣста, и воронъ летѣлъ, опустилъ тотъ узолокъ в море. И князь Петръ, видя, что у ворона нѣтъ узолка в носѣ, помнилъ, что за губою на камени покинулъ. И сталъ ходить по берегу искать лотки, в чемъ бы ему переѣхать, а опасался, чтоб королевна не стала мыслить о тѣхъ перстняхъ чево худова, какъ не найдетъ у себя тѣхъ перстней. И ходя по берегу подлѣ моря, нашелъ малую лотку и с великою борзостію¹, не розмысля, сѣлъ в тое лотку и без весла поплыл на другую сторону брега, гребя руками. А какъ от брега отплылъ, и воста великий вѣтръ, и занесло ево в пучину морскую.

Видя князь Петръ, что далеко от брега занесло, а блиско смерти, и видя, что короткое время утѣхи ево было, сталъ горко плакати от въздыхания сердца своего и реклъ: «О бедный я и несчастливый от всѣхъ человекъ! Что я перстни тѣ положилъ не в сохраненнѣм мѣсте, ис такого сохранения вынял. Велми было добро сохранено. Нынѣ вѣдаю, что счастье скоро отъемлется. И малое время тому прошедъ, помышлялъ себе, что я былъ всѣхъ щасливе людей на семь свѣте. А нынѣ вижу, что и нѣтъ инаго такого безчастнаго человека, какъ я. Погубилъ всю утѣху свою, увелъ прекрасную девицу и оставилъ ея в великом непроходномъ лѣсу. Либо ея лютыя звѣри разтерзають, либо зайдет, гдѣ от глада умереть. О злый сталъ, окрутный² сталъ я нынѣ, убо ей излиялъ кровь неповинную. Что иного учиню? Только самъ себя смерти предамъ и душегубство над собою учиню, и потоплюся в пучине морстей».

И молвя то, опамятовся с той великой печали, пришед в себѣ в мысль и в боязнь Божию и положил надежду на Господа во всемъ, и реклъ молитву предъ Господемъ Богомъ: «О, Боже, всея твари Содѣтелю! Согрешихъ пред тобою, создание твое, положилъ все упование и возлюбилъ от сердца девицу, а тѣмъ тебя, Бога моего, прогнѣвал. И за такое мое неистовство спустилъ ты на меня такой гнѣвъ свой великий. Конечно, уже погибаю и хотѣлъ самъ себя смерти предать, и потопиться в пучине морстей от сердешные печали своей. А нынѣ вижу я послѣдней свой часъ смертной, нѣчего того мнѣ искать и самому потопиться. Вижу, что уже во глубинѣ морстей уповаю на Господа. О милосердой и праведный Боже! Вижу, иже согрешихъ пред тобою, не только что нечестной сея смерти годенъ, но и вѣчныя муки достоинъ за грѣхи своя. О милосердый Господи! Прошу я, грѣшный рабъ твой, милости, создание свое, а есть воля твоя святая, в какую неволю и терпение вдашь мя, все готовъ терпѣть и всячески употреблять и страдать за неповинную кровь супружницы моей, прекрасной королевны

¹ быстротой; ² жестокий.

Магилены, которая нынѣ в лѣсе от звѣрей дикихъ пропадаетъ, и кровь ея над главою моею, яко мечъ острый, висить.

О Господи милосердый! Царю Небесный! Прошу твоей милости, не дай же на растерзание грѣшнаго тѣлеси моего звѣремъ морскимъ и прими грѣшную душу мою во царствии своемъ. Найпаче помилуй, Господи, и соблюди от всякаго зла невѣсту мою, прекрасную кралеву Магилену. По изволению же твоему святому буди мнѣ смерть нынѣ, а ее соблюди в добромъ здоровье. Вижу, что я блиско смерти, вѣдаю то, что и ей без такого страху не пробывать.

О Боже, милосердый Господи! Соблюди от всякаго зла возлюбленную мою невѣсту. О злый проклятый воронъ! Ты самъ мало потѣхи взялъ, что занесъ узолокъ с перстнями, себѣ мало корысти получилъ, а меня с возлюбленною моею прекрасною кралевою разлучилъ. Охъ, моя возлюбленная кралеву Магилена, что сама над собою начнешь чинить, какъ никого не увидишь у себя в таком непроходном лѣсе? Гдѣ найдешь себѣ проводника, чтоб тебя проводилъ ис такого темнаго страшливаго лѣсу? Или кто тя оборонитъ от лютаго звѣря? Охъ, несчастной тотъ былъ день и часъ, в который выѣхал я с нею ис королевства, королевскаго двора. Уже не вскоре, возлюбленная моя, с тобою увижуся. О злая любовь страшная, что ты меня обманула и привела потерять друга милова моего, и самому растерзану быти от морскихъ рыб. О возлюбленная моя кралеву Магилена, во что нынѣ красота твоя обратится! Чаю, бѣлое тѣло твое от лютыхъ звѣрей по лѣсу разтерзано будетъ. Не изволил то Господь, чтоб я до тѣхъ мѣсть первѣе пропалъ смертно, покамѣсть ты не увезъ от краля отца твоего, не такъ бы было мнѣ тяшко. О, всѣхъ прекраснѣе кралеву Магилена, возлюбленная моя, какъ ты нынѣ пребываешь!»

И какъ князь Петръ в великой печали своей и в смертной печали своей, отложивъ все упование свое, и столько не плакал о себѣ, сколько о кралеву, а в то число лотка его налилась полна воды и сталъ тонуть, и былъ по морю вѣтромъ носимъ с самого утра и до полудни.

И изволениемъ Божиимъ наплылъ на него корабль муринской земли¹, и видя карабельщик человека утопшаго, взялъ его из моря к себѣ на корабль. И господинъ корабля того, видя человека дороднаго и прекраснаго, и велми его возлюбилъ. А онъ от страху и от великой скорьби лежалъ въ корабли аки мертвъ. И господинъ корабля того сталъ его беречь велми и сталъ его всячески утѣшать от печали его для того, что онъ обѣщался ево подарить государю своему, турецкому царю.

И потомъ приплыл тотъ корабль до Александрии, великаго града, тамъ в то время был турецкий царь. И господинъ корабля, взявъ с собою князя Петра и пришедъ к царю, подарилъ его, князя Петра, царю. И царь, видя молотца дороднаго и прекраснаго, велми его возлюбилъ. И далъ ему вольность болшую у себя,

¹ земли мавров, здесь: восточной земли.

не какъ полоненику¹, яко волному человеку, а корабельщика за то пожаловал. И князь Петръ живя немало время на дворѣ царскомъ, от печали своей и от страха долгое время скорѣбѣлъ и всегда печалень былъ, помня на красоту прекрасной кралевны Магилены. Царь, видя князя Петра всегда печальна, указаль ево спрашивать, для чего онъ всегда печалень ходитъ. «А естъли онъ опасение имѣеть, такъ какъ и протчие полоненики, и онъ бы о томъ не опасался: держу я его за вольнаго человека, а не за полоненика. И милость моя царская естъ к нему большая».

И указаль ему царь быть у себя кравчимъ, и указаль прежнему кравчему все подробну ему указать, какъ доведетца у стола царева. И князь Петръ въ скоромъ времени научился греческому и турецкому языку. И царь его велми сталъ любить паче мѣры и учинилъ большимъ сенатыремъ и судьєю. И всѣмъ государствомъ велми возлюбили за правду его и за великой умъ его, и за великую заступу² его ко всѣмъ.

Однако онъ не могъ николи утѣшенъ быти, помня красоту прекрасной кралевны Магилены и о разлучении ея с нимъ. И всегда молилъся Господу Богу со слезами, чтобъ ея здорову Господь Богъ вынесъ ис того большаго и страшливаго лѣсу, такъ же какъ ево от морской глубины, и чтобъ ихъ свелъ в добромъ здоровье вмѣсте. И для того много давалъ милостыню убогимъ христианомъ, которые в турецкой земли жили в волѣ и неволѣ.

Яко кралевна едина в томъ лѣсе пробудилась, никого не узрела, плакала велми. И какъ в томъ в великом и непроходномъ лѣсу кралевна будучи едина, от великаго истому велми долго спала, потомъ проснулась, и не чаялась, что еше на колѣнѣхъ у князя Петра спитъ: «О мой возлюбленный приятелю, какъ ты терпишь? Я сплю, а ты надо мною сидишь. Пристойно бы, чтобъ ты опочивалъ», и какъ противъ тѣхъ речей никакова отвѣту не услышала, помнила³, что и онъ уснулъ, тихо главу свою подняла и увидѣла, что нѣтъ никого, устрашилась. И стала его искать и рекла: «О возлюбленный мой рыцерию, гдѣ ты?» И какъ она отвѣту не услышала, устрашилась велми. И воставъ, стала великимъ гласомъ кричать: «Приятелю, государь мой вѣрный, великий рыцерию!» Увидя, что отвѣту нѣтъ никакова, запечалилось ея сердце велми. И от великия жалости от памяти отшедши, упала на землю и лежала аки мертва. И востала, бѣгала по тому лѣсу, всюду крича от всего голосу своего: «Рыцерию, Боже, великий государь мой, приятелю, гдѣ ты зашелъ?» И такъ долго кричала, что у ней глава заболѣла. И увидя, что стало зло, от великой жалости и страху упала на землю и лежала аки мертва, и великое время не могла опаметоваться от печали своей. Потомъ с той великой жалости опаматовався, сѣла под дровомъ и стала горко плакать, и рекла: «Охъ, несчастная, горкая на свѣте я девица! И нѣсть та-

¹ пленнику; ² заступничество, доброту; ³ подумала.

кого несчастливаго человека, что я! Не только от человека, но и от всѣхъ и звѣрей несчастная, потеряла едину надежду свою. Охъ, мой возлюбленной, что над тобою сталося, что ты разлучился со мною? Чего ради меня оставил, такую вѣрную свою невѣсту? Или зло во мнѣ, возлюбленный мой, узналъ, что от меня в такомъ страшливомъ и непроходномъ лѣсе прочь отъѣзжалъ? Вѣдаешь ты самъ, что я в дому своемъ без тебя жить не хотѣла, хотя тамъ в великомъ прокладе и в великой утѣхе была. О горе мнѣ, безчастной! И нынѣ вижу, что на сей пустыни недолго будетъ живота моего. О мой возлюбленный рыцерию, гдѣ на се время отлучился? Вѣдаю то, что нехотя ты меня отсталъ по нѣкакой неволь. Нынѣ я, бедная, готова лютымъ звѣремъ на сиѣдение. О какъ напрасно, смертно, нечестно пропадаетъ дщерь краля великаго! Что за погребение мое будетъ, что лютыя звѣри по частямъ разтерзаютъ тѣло мое! О мой возлюбленный и великий рыцерию! Чѣмъ я тебѣ не полюбилась? Что ты учинилъ надо мною, увезши меня из дому королевскаго, и в такомъ непроходномъ и в темнѣмъ лѣсе покинулъ, лютымъ звѣремъ на терзание умереть позорною смертию? Гдѣ нынѣ твоя любовь, которую имѣлъ ко мне, и обѣщание, пред Богомъ обѣща мнѣ? О великий рыцерию, свѣте мой драгий, что во мнѣ зло узналъ в такомъ маломъ времени? Естьли для того, что все тайное тебѣ извѣстила, и то я с вѣрою учинила любезною, что ни единъ человекъ на семъ свѣте не былъ таковъ милъ сердцу моему, каковъ ты мнѣ. И не разумѣю, чтоб тебя иное что от меня разлучило, только что отцу и матери своимъ солгала и от нихъ с тобою ушла. Конечно, ты то помыслил, чтоб и тебѣ такъ же не солгала б и не измѣнила.

О мой возлюбленный и великий рыцерию! Никогда того въ сердце моемъ не было. О возлюбленный мой свѣте! Гдѣ нынѣ прекрасная порода, вѣрное сердце и то твое обѣщание пред Богомъ? О горе мнѣ, несчастной! Какъ мое небрежение было, что государя своего милосердаго слугою себѣ учинила и стражемъ ево над собою поставила. Мнѣ ли было ему не пристойно служить? Нынѣ бы я, бѣдная, рада б служить, да нѣтъ его, утерьяла милова друга своего и государя своего, надежду и веселие свое, стража дѣвической чистотѣ моей. О злое несчастное безщастие, что за утѣху имѣешь, что ты разлучило с возлюбленнымъ другомъ моимъ? О смерти! Прииде нынѣ без опасения, можешь простерть¹ острую косу свою на мя и поѣщи, коли мнѣ не милъ животъ свой без возлюбленнаго моего. И нынѣ я готова в лютые руки твои положити главу свою».

И буди прекрасная королевна Магилена в великой печали и тоске своей, ходила по темному лѣсу и искала с прилѣжаниемъ великаго рыцера, князя Петра, а потомъ нашла кони, на которых они приѣхали в тотъ лѣсъ.

Увидѣвъ тѣ кони свои, узнала, что рыцерию не своею волею от нее разлучился, но от нѣкакой причины. И в великую печаль и в жалость въпала, а наипаче того запечалилась, упала на землю и лежала замяртво немалое время, и на-

¹ протянуть, занести.

силу очьхнулася и стала велми плакать и возрыдать, и рекла: «Нынѣ я, бедная, узнала правду, что возлюбленный мой нехотя меня покинулъ. Не могу я того нынѣ сказать, что онъ со мною не в вѣрной любви жилъ. Вѣдаю, что онъ гораздо меня вѣрнѣе в любви былъ, нежели я к нему. О сердце мое злое и скверное! Чему ты непристойныхъ речей мнило на него, что со оплошки своей утеряла моего возлюбленного друга. Правда, годно, чтоб я своими руками над тобою отмстила такого непристойнаго учину¹ твоего. Есть ли б былъ острый мечъ, прободла бы сердце свое, за что утратила надежду свою и стража и упования своего. Охъ, несчастная и всѣхъ хуждыше на семъ свѣте я девица! Нашла себѣ великое сокровище и надежду и в такомъ краткомъ времени сама у себя своимъ безумиемъ утратила. О несчастной мой сонъ былъ! О горькое мое было опочивание! Гдѣ же нынѣ, о возлюбленный и великий рыцерию? Нынѣ я разумею, никто не вѣсть, и кои причины погибели твоей, только я несчастная. Охъ, бѣдная я! Что учинила над собою? Утѣху свою и веселие утратила, чему мнѣ злаго недосталось? И для чего я не умѣрла первѣе его? Мнѣ бы не такъ было горько попасть, нежели ему, возлюбленному моему. О смерти! Чему ты учинила, лучше бы, чтоб ты меня умертвила, нежели такого и славнаго рыцера, который бы могль ко избавлению многихъ людей в бою от смертнаго меча избавить. Чему ты ево взяла, а меня оставила на семъ свѣте, в такой жалостной печали и в плачу до смерти? О, лютая смерть! Если умертвила возлюбленного моего, а та глава моя уже готова под грозный мечъ твой. Уже не жалѣй рукъ своихъ, спростри на мя, да не хожду долго в великой кручине по возлюбленномъ моемъ друге».

И бывъ королевна въ такой великой печали и в плачу, прииде ей во умъ воля Божия, что все то по изволению Божию учинилось, и рекла: «Милосердый Господи, вижу я волю твою праведную над собою, что ты изволилъ на меня въспустить такую великую бѣду и печаль. Буди по воли твоей праведной, а только не до конца погубишь создание свое, выведи мя в добромъ здравье ис такого страшливаго и темнаго лѣсу. И помилуй возлюбленного моего рыцера, и подай мнѣ с нимъ видѣться въпредь, если онъ живъ. О милостивый Господи! Помилуй обѣихъ рабовъ своихъ и пощади меня, и обрати плачь мой в радость».

И по такой молитвѣ мало сердце ея от печали свободилось и взявъ смѣлость и положи всю свою надежду на Господа Бога. И узрела древо высокое и, взлѣзши на него, зрѣла на всѣ стороны, гдѣ бы кого узрѣть, и только великий лѣсъ. И слѣсши з древа, шла далеко, елико могла итѣти, чтоб какую стѣшку найти. И в печали своей весь день проходила, ни пила, ни ѣла, только плачемъ и слезами кормилась.

И какъ вечеръ насталь, и королевна мыслила, гдѣ бы ей ночевать, чтоб звѣрь не съѣлъ. И увидѣла древо высокое едино и с великимъ трудомъ на то древо взошла, и сидѣла всю ночь, плача и въздыхая. И сидя в той печали, умыслила

¹ действия.

отнодъ не итъти въ домъ отца своего, для того, что его прогнѣвила. И рекла в себѣ: «Пойду по розныхъ государствахъ и буду искать, гдѣ княжение его. Есть ли онъ живъ и подасть мнѣ Богъ видѣть возлюбленнаго своего рыцера, а естъли его и не найду, буду жить до смерти въ дѣвической чистотѣ своей. Только молю, милосердый Господи, буди мнѣ въ помощь, рабѣ твоей».

Яко кралева на дорогѣ у старицы¹ черное платьѣ выпросила, и какъ старица съ кралевины драгое платьѣ сняла. И кралева всю ночь сидѣла на деревѣ до свѣта, плакала и воздыхала, и в той великой печали долга ночь ей показалась, только утѣшилась плачемъ своимъ, воспоминаючи возлюбленнаго своего рыцера. И какъ день насталь и кралева сошла з древа, и пришедъ на то мѣсто, гдѣ они стояли, нашла коней своихъ, на которых они приѣхали, и с великимъ плачемъ и жалостию пустила ихъ, и рекла имъ: «О милые мои кони, нынѣ идите, гдѣ вамъ любо, какъ утратили мы государя своего, такъ его искать будемъ. А мнѣ, гдѣ Господь Богъ изволить, тамъ и буду». И шла по томъ лѣсу, искала, гдѣ б найти малую стешку, и нашла великую дорогу, и перешедъ ту дорогу, нашла великое древо, кривое и густое. И взошла на то древо и сидѣла великое время, зря на дорогу, и многое время не могла никого узрѣть. Потомъ под вечеръ узрела единую старицу, шла по той дорогѣ старица. И кралева сошла з древа, и пришедъ к ней, рекла ей: «О милая моя старица, учини для меня милость свою, дай мнѣ свое черное платьѣ, худые рубища, за мое драгое платьѣ». И черница видя девицу прекрасную в драгомъ одѣянии, помнила себѣ, что нѣкоторой велможя стоить подлѣ той дороги, и рекла ей: «Милостивая девица, добро быть всякому человеку такъ, какъ ему надлежитъ, что тебѣ Богъ далъ много, ты надо мною, убогою старицею, тѣшишься. Прошу тя, ходи ты в драгой своей одежди, а я в томъ своемъ рубище, какую мнѣ Богъ далъ». Кралева, слыша от старицы такой отвѣтъ, горько заплакала, падши ей в ноги, и стала молить ее всякими утѣшными словами. И старица стала держать в умѣ своемъ, что нѣ с какой притчи² то она чинить. И сняла с нее драгое платьѣ королевское, а ей дала свои рубища.

И кралева с великою радостію надѣ то платьѣ на себя, и лице свое укрыла и зачернила, чтобъ ея никто не позналъ. И шла дорогомъ в Римъ в черницахъ. И старица, взявъ платьѣ, бежала от нее прочь, чтобъ она опять не отняла.

И кралева, пришедъши в Римъ, была у мошей святыхъ апостоль Петра и Павла, три месяца молилась, чтобъ ее Господь Богъ снесъ³ в добромъ здоровье с милымъ ее другомъ, естъли живъ. А естъли не сыщеть ево, чтобъ ей жить до смерти въ девической чистотѣ своей.

И шла из Риму искати княжение отца ево, потомъ шла к морю и нашла карабль той земли, гдѣ отецъ его княжитъ. И давъ наемъ, сѣла в карабль. И какъ до того краю приплыли, кралева вышла ис карабля и шла въ городъ Хивинъ, ко-

¹ монахини; ² причины; ³ соединил.

торай недалеко от пристанища стоялъ. И вшедши в город, встрѣтила ее едина жена, именемъ Сузана, и просила, чтоб она к ней в домъ пришла и опочинула, а чаяла, что она убогая прохожая старица. И накормивъ ея, не отпустила из своего дому и просила ее, чтоб она ночевала у ней. И кралевна з дороги и от морской воды велми была истомлена и рада тому была и начевала у ней.

И стала кралевна спрашивать, что сие за королевство и кто у него владѣтель, вольно ли иноземцу черезъ ихъ земли итти или жить. И отвѣщала ей Сузана: «Вѣдай то, милая моя старица, земля сия государя нашего велми пространна и вольность имѣеть большую. А государь нашъ князь Вольфангъ вольной, и вельми богатъ и великъ, и со околными государи живеть в миру и тишинѣ. А намъ всегда повелѣваетъ, чтоб иноземцовъ к себѣ на двор пушали и честь имъ воздавали. Только нынѣ государь нашъ князь и княгиня в великой печали: имѣли единаго сына у себя, великаго рыцера, что ему равна не было силою и храбростию. И онъ не могъ жить у отца своего и матери, въ молодыхъ лѣтѣхъ своихъ поѣхалъ в посторонние государства для рыцерскихъ дѣлъ. А нынѣ про него вѣсти нѣтъ другой годъ, и невѣдомо, гдѣ онъ, и для того государь нашъ и мы, холопи ево, в великой печали».

И какъ кралевна узнала, что въ его княжение пришла, и услыша про князя Петра такие похвальныя слова, узнала, что еще ее возлюбленный во свою землю не бывалъ, не возможе утерпѣть и стала вельми плакать от въздыхания сердца своего и рекла: «О милая моя госпоdynя, жаль того, что какой удатной и великой рыцерь безвѣстно пропалъ», и стала в сердце своемъ мыслить, что, «конечно, онъ по нѣкакой нѣволѣ от меня отсталъ». И госпоdynя, видя кралевну вельми плачущу, и стала ее от плача унимать и вельми ее за то возлюбила и не отпустила от себя из дому до трехъ днѣхъ.

Яко кралевна Магиленна жила во градѣ Хивлу три дни. И какъ кралевна в томъ градѣ Хивлу жила три дни у той госпоdynи и спрашивала, гдѣ б ей мѣсто сказала, чтоб во особой пустыни Господу Богу потруждаться в томъ княжении. И госпоdynя, видя ее тотъ доброй умыслъ, рече ей: «Есть недалеко отселе в нашемъ государствѣ одно мѣсто, слыветъ Поганской портъ. К тому мѣсту многие карабли пристають. И есть тамъ промеж горами мѣсто, гдѣ б тебѣ мочно тамъ кѣлейцу построить, а хорошо тамъ и монастырю быть. А в томъ мѣсте многие немощные люди пребываютъ, которые от морской воды на корабляхъ заскорбятъ, а мнѣ мнится, милая моя старица, чтоб ты шла и построила больницу и тѣхъ больныхъ призирила, и молитва б твоя приятна к Богу была».

Кралевна Магиленна, услыша такие рѣчи, вельми рада была. И простяся с госпоdynею, шла к тому мѣсту. И пришедъ на то мѣсто, осмотрела мѣсто и вельми возлюбила. А что у ней было злата и сребра и драгих запанъ, что взяла из дому отца своего, продала. И на тѣ денги построила малую церковь во имя святыхъ апостолъ Петра и Павла, и больницы построила. И назвала тотъ мона-

стырь Петра с Магилены, и какъ устроив монастырь и больницы, и стала в немъ жить и Господу Богу молиться, и около больныхъ ходить. И такъже столько стала жить и трудиться, что в подивление было всѣмъ околнымъ людямъ, которые часто къ ней приѣзжали и называли святою старицею. И монастырь тотъ сталъ в великой славъ быть, и многие люди из дальныхъ градовъ приѣзжали молиться и на строение подавали.

Услышав то князь Вольфангъ, отецъ князя Петра, про тотъ монастырь, общался ѣхать. И приѣхав и с княгинею своею молиться и смотрити церкви и больницы, и дивовались, что въ скоромъ времени построила, и говорили промежь себя: «Конечно, де, старица сия — святая». И королевна увѣдала, что князь Вольфангъ и с княгинею приѣхалъ, рада тому была. И вышла, и въстрѣтила ихъ, и стала имъ говорить всякими мудрыми словами. Князь же и княгиня удивились рѣчамъ ея мудрымъ и рекли: «Конечно, сия старица не простова роду, но великаго». И вельми ее возлюбили, и стали ее звать святою старицею.

Потомъ княгиня стала ей сказывать о сыне, князе Петре, и какъ отѣхал от нихъ и гдѣ пребываетъ, того они не вѣдаютъ. Уже князю Петру вѣторой годъ, какъ от него вѣсти никакой нѣтъ, и стала вельми плакать. И королевна, видя княгиню вельми горко плачущу, и глядя на нее, заплакала, потому что и у нее не мене того было в сердце ее болѣзнь по возлюбленномъ ея другѣ князе Петре. И стала княгиню утѣшать всякими мудрыми и утѣшными словами. И княгиня от плача престала и просила о том, чтоб она, старица, Господу Богу молилась, чтоб ево Богъ принесъ в добромъ здравье въ домъ свой, и спрашивала у приѣзжихъ людей, которые ко пристанищу приѣзжаютъ. И королевна Магилена общалася о князѣ Петрѣ Господу Богу молиться.

И князь Вольфангъ, давъ милостыню, поѣхалъ и с княгинею в домъ свой. И ѣдучи, говорили про Магилену и хвалили житие ее. И королевна Магилена, отпустивъ ихъ, шла въ больницы осмотрити больныхъ и вошла в церковь и молилася Господу Богу, чтоб далъ ей Богъ видѣти возлюбленнаго своего друга, и положила всю свою надежду на Бога.

Яко рыболове принесли рыбы хъ князю и в ней нашли перстни князя Петра. И князь Вольфангъ, какъ из монастыря приѣхали и с княгинею в домъ свой, и в то время принесли рыболове рыбы морские, и князь указалъ большую рыбу пред собою рознять. И повар сталъ рознимать, и нашел в ней узоль червчетою тафтяной, и розвязалъ тотъ узоль и увидѣлъ в немъ три перстни золотыхъ з драгими каменья, а на каменехъ вырезаны печати государя своего, и изумѣлся на перстни зря, и реклъ: «Великий княже, в сей рыбѣ нашель я три перстня золотыхъ, а на нихъ печати твои государьския». И князь, взявъ тѣ перстни, шель хъ княгине своей и показалъ ей. И княгиня, видя тѣ перстни, что сыну своему благословила, горько заплакала и не могла слова промолвить, от тѣшкы своей печали обмерла и упала на землю, и многое время лежала. И какъ

опаметовався, и стала великиимъ гласом кричать и плакать неутѣшно: «Увы мнѣ, горькой! Утѣряла я единороднаго сына своего. О сыне мой возлюбленный, едина надежда старости нашей! И нынѣ вижу я, мати твоя, что несчастное показаль рыцѣрство свое. Охъ, несчастной мнѣ печальной маткѣ! Чего для мы поволрили ѣхать в посторонние государства, имѣючи единаго сына! О проклятая рыба, чему ты обѣщала¹ меня! Охъ, мой возлюбленный сыну, какое было погрѣбѣние твое во глубинѣ морстей? О несчастной былъ тотъ часъ, в который ты захотѣлъ ѣхать из дому нашего для рыцѣрской славы своей. Нынѣ вмѣсте с тобою утонула слава твоя во глубинѣ морстей. О милый мой сыне! Не скоро уже из воды морской освободисья. О злощастие! Не могло над кѣмъ иным указать пагубы своей, только над возлюбленным моимъ сыномъ. Охъ, бѣдная я матка! Имѣла единаго сына, котораго начаялась имѣти при старости своей утѣхи, а нынѣ обрѣла вмѣсто утѣхи печаль великую и вмѣсто опоры старости нашей смерть. Охъ, позорная и немилосердная смерть! Естли ты отняла всю утѣху и радость мою, возлюбленнаго сына моего, возьми жъ нынѣ и меня за нимъ», и рекъши то, горько заплакала.

Князь же Вольфангъ, видя великую печаль, и плачь княгини своей, вельми запечалился и горько плакал, и не дая в себѣ печали своей знать и размножиться, стал княгиню свою от печали утѣшать всякими словами мудрыми, и реклъ ей: «О возлюбленная моя княгиня! Воспомяни патриарха Иакова, въ какой жалости по сыне своемъ Иосифе былъ,^{*} и как Богъ ево потѣшил милостию своею. Воспомяни жъ и Иева праведнаго,^{*} колико утратил сыновъ своихъ и все имѣние свое, потомъ *сторицею* далъ ему Богъ. Мочно и нам на него надежду свою возложить, возможно Господу Богу и насъ такъже помиловать. И так, престанемъ от плачу своего, и возложимъ надежду на Бога своего».

И княгиня, слыша такие рѣчи князя своего, мало от печали унялася и рекла ему: «О возлюбленный мой княже, рада б я была, чтоб Господь и мнѣ терпѣние такожде далъ, потомъ бы насъ утѣшил своею милостию. О проклятая рыба! Чего для ты мнѣ такие злые вѣсти принесла?» И указала во всѣхъ своихъ полатахъ все украшение съ стѣнъ снять и обить черными утварьми. И какъ сия вѣдомость² рознеслася по всему княжению ихъ, и бысть великая печаль во всемъ княжению ихъ.

И какъ тѣ вѣсти пришли в монастырь, гдѣ королевна Магилена пребывала, услышавъ то, королевна Магилена вельми запечалилася и, хотя довѣдатися о томъ подлинно, приказала отписать: «От кого та вѣсть есть, что сынъ вашъ представился?» И посланный письмо княгине от королевны поднесъ, и княгиня вельми вычестъ и противъ того письма указала отписать, какъ рыболове рыбу принесли и какъ в ней три перстня нашли, и указала отписать, что будетъ и сама к тебѣ в монастырь. И посланникъ с тою грамотою приѣхал х королевне, и отдал

¹ лишила чада; ² известие.

грамоту, и кралевна, прочетши, догадалась, что тѣ перстни ево, что онѣ подарилъ ее, кралевну, и вельми запечалилась о смерти его. И шед до кѣльи своей, и стала горько плакать и рекла: «Нынѣ я, бѣдная девице, и нѣтъ такой несчастной, что я на семь свѣте. Охъ мнѣ, злой девице! Ни от кого иного, только от меня сему учтивому князю смерть случилась. О возлюбленный приятель мой, княже Петре! Нынѣ уже не утѣшуся, зря на тебя. О злая рыба! Пристойно было тебѣ, чтобъ ты меня пожерла, нежели возлюбленного моего. Охъ, яко кратко и вельми мало намъ с тобою любви было! Нынѣ же вмѣсто любви мука и болѣзни, и печали конца не будетъ. Въсегда в убогом сердце моемъ печаль великая имѣтъ, нежели про милова своего друга смерть слышать. О милосердый Боже! Естьли мой возлюбленный с моей притчины невинне умре, не дай же долгова живота мнѣ, но вскоре — смерть». И плакала многая время неутѣшно. И не в долгомъ времени приѣхал к ней въ монастырь князь Вольфангъ и с княгинею. И кралевна ихъ въстрѣтила у монастыря, и шли до церкви, и по церковномъ пѣнии княгиня, взявъ кралевну за руку, и отвели ее от людей прочь, и стали ей розказывать про перстни, какъ ихъ в рыбѣ нашли, и сама вельми плакала, и показала тѣ перстни. Кралевна, узнавъ тѣ перстни, и глядя на нее и въспомня ево, неутѣшно плакала. Потомъ князь и с княгинею своею поѣхал в домъ свой, а кралевна, въшедъ въ больницы, осматривала больныхъ по первому своему извычаю.

Яко князь Петръ былъ долгое время у турецкаго царя и какъ царь отпустил во свою землю. И князь Петръ, великий рыцерь, жилъ многое время у турецкаго царя, а в то время салтанъ турецкой въ Вавилонѣ жилъ. А князь Петръ былъ долгое время у турецкаго царя и в великой милости. И царь имѣлъ его вмѣсто сына своего единокровнаго, такъже и паши царские были к нему добры. И богатые, и убогие, всѣ его вельми любили и почитали, яко сына царева. Царь же, егда весел бываетъ, тогда с ынѣмъ ни с кѣмъ не тѣшится, токмо съ княземъ Петромъ, и ни х кому такой милости нѣтъ, что к нему. Князь же Петръ никогда не могъ утѣшенъ быть, держа во умѣ своемъ прекрасную кралевну Магилену. Всегда у него на сердце болѣзнь была. И мыслить, что в животѣ ея¹, прекрасной кралевны, нѣтъ, но в томъ непроходномъ лѣсе от лютыхъ звѣрей разтерзана. И видя великую милость царскую к себѣ, умыслилъ единаго дня проситься у царя, чтобъ отпустилъ на время со отцемъ своимъ и с материею повидаться, потомъ со сродичи. И единаго дня въ ихъ бусурманской праздникъ царь Салтанъ былъ вельми веселъ, и многихъ людей, по своему бусурманскому извычаю для дня того своихъ и невольниковъ христианъ на волю пушал и многимъ злата и сребра давал. Видя князь Петръ, что былъ царь веселъ, приступилъ к нему и палъ на колѣни, и сталъ бить челомъ, и рече: «Великий царю, не малое время будучи я, холоп твой, при твоей царской милости и тебе, царю, бивальъ

¹ в живых.

челомъ. И милость твоя царская всегда по моему прошению была. А о семь тебѣ, великий царю, никогда не биваль челом. Нынѣ тебѣ, великий царь, бью челомъ о себѣ, помилуй меня, холопа своего, преврати милостию своею ко мнѣ сердце свое царское, и услышь прошение мое малое».

Царь, услыша прошение его, а не вѣдая о чемъ, рекль к нему: «Ты самъ знаешь, каковъ я до тебя милосердъ, и милость моя отменитая к тебѣ от всѣхъ пашей и от иных вельможъ во всемъ царствии моемъ. Еще не бывало того, чтоб я тебя не пожаловал противъ прошения твоего к намъ. А нынѣ ты милости просишь о себѣ, найпаче ради тебя пожаловать, хотя проси у меня треть царствия моего, то тебѣ дамъ. В нынѣ не знаю, объяви, о чемъ просишь насъ, и ни в чемъ тебѣ отказу не будетъ противъ твоего прошения».

Слыша то, князь Петръ, вельми тому рад былъ и рекль: «Великий царю, вижу неизреченную милость твою к себѣ, чему я достоинъ такой милости твоей? И не мочно мнѣ такую милость твою царскую заплатить, никоими службами моими, только долженъ за ваше государское здоровье умереть. И гдѣ въ которомъ государстве буду и великимъ гласомъ стану вашу милость выславливать».

О томъ милости у тебя, царю, прошу: при великой старости остались отецъ мой и мати, а тому нынѣ третьей годъ, какъ не вѣдаютъ про меня, гдѣ я, живъ ли или нѣтъ. И нынѣ обо мнѣ имѣютъ великую печаль, а естли от печали при такой старости случится имъ смерть, то убоецъ имъ буду я, что при старости ихъ покинул и прочь отѣхал. Нынѣ у тебя, великий царю, милости прошу, поволь меня отпустить ко отцу своему и матери на время повидаться. А какъ и мнѣ изволишь срокъ положить, в то время к тебѣ буду, взявъ благословение отеческое у нихъ».

Царь услыша такое прошение, и изумѣлся и вельми ему стало жаль, что слово свое далъ ему, что ево ни в чемъ не преслушать, и рекль ему царь: «Прощение твое вельми мнѣ любо, что помнишь родителей и благословения от нихъ жедаетъ. А о том вельми не любо, что ты от меня хочешь отѣхать, а что я далъ слово свое въ челобитье твоёмъ тебя пожаловать, только помысли, поживи еще в дому нашемъ, а по смерти моей учиню тя царемъ турецкимъ».

Князь Петръ сталъ ему всякими словами мудрыми бити челомъ со слезами. Царь, видя хотѣние его, пожаловал, указалъ его отпустить с великою честью на срокъ. А князь Петръ услыша то, палъ предъ царемъ в ноги и за милость его царскую билъ челомъ, и обѣщался на тотъ срокъ приѣхать. Царь указалъ грамоты писать до своихъ пашей в всѣ города, гдѣ ѣхать князю Петру, чтоб они ево с великою честью вѣстречали и провожали. А что имъ князь Петръ повелить, дѣлать, чтоб ево во всемъ слушались такъ, какъ самого царя.

И такъ его царь отпустилъ во свою землю вельми славно, и пожаловал ему великое богатство злата и сребра и драгихъ запанъ, каменья драгаго и жемчугу несказанное множество, и с великою жалостию отпустилъ его.

Князь же Петръ, взявъ такой милостивый отпускъ от царя и поѣхал в дорогу. И приѣхал до Александрии и попалъ ему карабль французской земли. И князь Петръ нанял тотъ карабль и по уговору карабельщику далъ за провоз деньги. Потом сталъ мыслить, какъ бы довести великое богатство во свою землю. И купилъ 14 бочекъ, и насыпал с обѣихъ концовъ соли, а в середку тѣхъ бочекъ положилъ злато и серебро и драгие каменья, и жемчугъ, и драгие запаны. И сказалъ карабельщику, что в тѣхъ бочкахъ соль, потом отпустился от брегу иплыи вѣтром добрымъ по морю. Потомъ переплыли море на другую страну, недалеко от французской земли пристали карабли. А князь Петръ былъ боленъ в то время от морьского ходу. И вышедъ на брегъ, гулялъ по брегу и нашел хороший лугъ, на которомъ лугу много было пахучихъ всякихъ цвѣтовъ. И князь Петръ легъ на том лугу промежъ цвѣтами. И с того морскаго ходу от добраго вѣтру стало ему лехко, и сталъ зрѣти на цвѣты, и увидѣлъ промежъ всѣми цвѣтами единъ цвѣточикъ краше всѣхъ и благовоннѣе, и сорвалъ его. И глядя на цвѣточикъ въспомнулъ красоту прекрасной кралевны Магилены, что промежъ прекрасными прекраснѣе всѣхъ была. И какъ въспомня, сталъ горько плакать от всего сердца своего, размышляя, гдѣ ево возлюбленная прекрасная невѣста дѣлася. Будучи въ такомъ размышлении и плачу, с той великой печали уснулъ на томъ лугу. Потомъ карабельщики, видя вѣтръ добрый по сѣбе, не хотя мѣшкать, възшли всѣ на карабль, и видя карабельщикъ, что ево нѣтъ, помыслил себѣ по брегу ходить и кричать. А князь Петръ на томъ лугу столь крѣпко уснулъ, что не могъ услышать тотъ крикъ. И видя то карабельщик, что ево нѣтъ, помыслил, что ево звѣръ съѣлъ. Поднявъ парусы, побѣжали караблемъ во свой путь.

И в малом времени приплылъ карабль к тому пристанищу, гдѣ монастырь кралевны Магилены. И всѣ свои товары выложили, и сталъ говорить карабельщикъ с товарыщи своими: «Добраго человека соль, что намъ добръ заплатилъ наемъ, гдѣ мы ее дѣнем? Отдадимъ ее въ монастырь и прикажемъ, естли онъ живъ и придетъ, чтобъ ему отдали, а будетъ мертвъ, чтобъ въ монастырь взяли». И шедши к кралевне въ монастырь, и въ церкви Богу молилися, и кралевне поклонилися, и рекли ей: «Великая старица, нанял насъ человекъ добрый из Александрии до сихъ мѣстъ свести 14 бочекъ соли и невѣдомо, какими мѣрами отсталъ от насъ на брегу. А нынѣ ево нѣтъ, отдать нѣкому, возьми ты тое соль к себѣ въ монастырь. Естли онъ будетъ, отдай ему, а естли не будетъ, пригодится въ монастырьскую потребу. А его за то поминайте». И тѣ бочки указала кралевна карабельщикомъ въ монастырь привести и велѣла ихъ принять.

Кралевна Магилена велѣла бочку почать соли, и нашли великое сокровище в нихъ. Во едино время не стало в томъ монастырѣ соли и в больницах, указала кралевна отбить едину бочку и взять соли. И какъ разбили бочку, и нашли в серетках злата и серебра много, и жемчугу, и каменья драгаго. И потомъ другую, и третью, потом и всѣ разбили, и обрѣли в нихъ вели-

кое сокровище драгихъ вещей, неудобьсказанно. Потомъ рекла: «Убогий чело-вече, естли ты пропаль, то не вспомнишь, а естли ты живъ нынѣ, сердце твое в великой и тяшкой печали, что погубилъ напрасно все имѣние свое. А естли бы тебя Богъ к намъ принесъ, еще бы твое не пропало. А нынѣ на хвалу Господню сооружу велию церковь». И посла по градомъ для каменщиковъ и всякихъ мудрыхъ мастеровъ к сооружению великия церкви каменной. И с великою борзостию з большимъ заводомъ¹ нача строити. И в скоромъ времени сооружи церковь во имя святыхъ апостолъ Петра и Павла, вельми прекрасну. И близъ церкви построила больницу, что ни в которомъ государстве такой прекрасной церкви не было. И стала великая слава про тотъ монастырь, и многое множество людей стало съезжаться и молиться, и дивовалися великому заводу и прекрасной церкви. И видѣли, что у ней не было никакой казны, и вельми тому дивовалися, откуды она взяла такое сокровище: «Сей старице невидимо Богъ подаетъ на строение церкви». И мастера церковныя дивовалися такому великому сооружению.

Князь Вольфангъ и княгиня Петронила услыша, какимъ великимъ заводомъ черница построила церковь вельми прекрасну и больницы, и здивились тому, и обѣщались ѣхать сами. И приѣхавъ в кручинномъ² платьѣ, шли въ церковь Господу Богу молитися и святымъ апостоламъ Петру и Павлу. И отслушавъ церковное пѣние, призвали к себѣ черницу и с нею о всякихъ рѣчахъ размышляли о печали своей. И ей сказывали, что не можемъ-де никогда утѣшны быть от печали тоя. И королевна всякими мудрыми речьми тѣшила ихъ, а у самой у ней болѣ печаль к сердцу лежитъ. И едва не заплакала для того, чтобъ невдогадъ было, и болѣ печали к сердцу ихъ не прилагала. Потомъ князь и княгиня дали по обѣщанию много золота и сребра на строение церковное и на всякие церковные потребы и ѣхали в домъ свой с веселиемъ.

Яко князь Петръ на лугу спалъ и отстал корабля. И какъ князь Петръ вельми твердо уснулъ и долго спалъ с той печали на берегу, пробудился и возозрил, и увидѣлъ, что ночь стала, темно было и изумѣлся, что твердо уснулъ. Вставъ и шель ко берегу морскому, гдѣ былъ карабль, и шедши, корабля не узрил и от карабельщика гласа не услышал, надѣялся, для темноты не мог никого видѣть. И почал великимъ гласомъ кричать, а к нему никакова отвѣту не было. И ходя по берегу, кричалъ многая время, запечалился вельми и впаде в великий страхъ. Новая печаль сердешная объяла сердце его, такъже от великой жалости палъ на землю и лежалъ аки мертвъ, от памяти и от разуму отшедъ, лежалъ многая время и очнулься, и сталъ горько плакать и реклъ:

«Охъ несчастному мнѣ на семъ свѣте, который сын людцкій уродился такой несчастной, что я? О злое и немилое сердечное несчастие! Не полно ли было тебѣ, что ты с возлюбленною моею невѣстою разлучило меня, а нынѣ, вы-

¹ основание, замыслом; ² траурном, от кручина — печаль.

ведши мя ис поганыхъ рукъ, отнесла все имѣние мое, и еще и самово меня привела на погибель в сию непроходную пушу. Надѣялся, чтобъ приѣхать в великой радости и во всякомъ добрѣ ко отцу своему и матери и къ сродичамъ своимъ. А нынѣ вмѣсто радости вижу печаль великую и горькую смерть. Увы мнѣ бѣдному на семь свѣте человеку!» И сидя всю ночь плакал горко до самого свѣту. И какъ день насталь, ходилъ подлѣ брегу, гдѣ кого могъ узреть, и от того хождения вельми истомился от жару солнечнаго, и от морскаго духа. И от печали сердечной не могъ болѣ ходить, палъ на землю и лежалъ, аки мертвъ без памяти.

И изволениемъ Божиимъ приѣхали к тому брегу в караблѣ рыболове. И видя человека лежаща на земли, взяли его к себѣ въ барку запертво. И привезли его въ городъ Кропоня и тамъ его отдали въ богадѣльну. И онъ былъ немалое время в той богадѣльне, не вдавался въ большую печаль, но положилъ все упование свое на Господа. Однако сокрушила его печаль, которая вошла въ сердце его: первѣе — въспомня красоту кралевнину, вѣторое — на великое сокровище свое, то не могъ быти утѣшенъ, но всегда в печали былъ и в болѣзни.

Во едино время вышел на брегъ от горести своей и гулялъ подлѣ моря по брегу, и узрѣлъ карабль изготовленъ въ путь, хотя довѣдаться, отколѣ тотъ карабль пришелъ и куда идетъ. И сталъ спрашивать карабельщика, и карабельщик ему рекль: «Я естъ кралевства французскаго, а в скоромъ времени поплыву к себѣ». И князь Петръ вельми тому радъ, что увидѣлъ *человека* своей земли. И билъ челомъ ему, чтобъ онъ Бога ради ево свезъ для одноземчества¹, а дать было ему найму нѣчего, а имяни своего и роду не сказалъ. Карабельщик, видя человека добраго въ печали великой и для того что одноземчества Бога ради, указалъ ему сѣсть въ карабль без найму. И наутро поднявъ парусы, плыли в свой путь.

Потомъ с нѣкакой размолвы учинилась рѣчь у карабельщиковъ про монастырь Петра с Магилены, гдѣ кралевна пребывала. Князь Петръ услышав то, что въспомянули имя кралевнино, сталъ ихъ спрашивать: «Сколь давно тотъ монастырь построень?»

И рекли карабельщики: «Построила нѣкая старица, которая и до сего часу в томъ монастырѣ досматриваетъ немощных, и многие чудеса часто в томъ монастырѣ бывають. Естъли послушаешь насъ, обѣщайся въ томъ монастырѣ потруждаться с вѣрою, конечно, тебя Господь Богъ помилуетъ и по-прежнему въ добромъ здравье».

И князь Петръ обѣщался в немъ труждаться единъ мѣсяць, потомъ до пристанища того приѣхали, гдѣ тотъ монастырь. И князь Петръ вышел ис карабля вонъ и въшелъ въ монастырь, а былъ вельми скорбенъ от печали своей и от морскаго тяжелаго духа опухлъ. И пришедъ въ монастырь, и помолясь у церкви, хвалу воздалъ Богу, что ево Господь Богъ принесъ во свою землю еще жива. По-

¹ какъ соотечественника, земляка.

томъ вшел въ больницу и мыслилъ никому не сказать про родъ свой покамѣсть к доброму здоровью приидеть.

Кралевна по извыклому дѣлу своему пришла в больницы и увидѣла новаго гостя, взявъ его, вымыла главу и руки, и ноги, и дала ему бѣлую срачицу¹, и послала под него постелю, накормила ево и напоила, такъ яко и протчихъ, и рекла ему: «Милый гостю, чего душа твоя похочеть есть или пить, сказывай мнѣ, чтоб тебѣ скорѣе быть в добромъ здоровье». Потомъ шла к инымъ немощнымъ, а его не познала: от великия скорѣи сталъ вельми худ.

И кралевна, будучи старицею въ богадѣльне, не познала возлюбленнаго своего жениха, князя Петра. Князь Петръ многое время былъ въ томъ монастырѣ въ больнице и сталъ от немощи здравъ, потому что кралевна с великимъ радѣниемъ ходила около ево. И какъ пришелъ к прежней своей силѣ, вельми дивовался трудомъ тое черницы около больныхъ, и мыслилъ онъ себѣ и рекль: «Боже милостивый, избавил ты меня изо всего горя и трудовъ и привел меня в вотчину мою и къ прежнему доброму здоровью. Прошу твоей святой милости, чтоб ты далъ вѣдать о погибшей невѣсте моей кралевны Магилены, есть жива или нѣтъ. Естли б вѣдал, что мѣртва, я бы много и не печалился о томъ: многая для ее ради претерпѣлъ, а нынѣ мнѣ еще надобеть и болѣ того терпѣть за вину свою, что я ее от отца и матери увезъ и в непроходномъ лѣсе покинул. Милостивый Господи! Соблуди от всякаго зла, без помощи твоей немощно ей ис такого темнаго, страшливаго, непроходнаго лѣсу вытти. А естли отошла сего свѣта, не дай же ми дольгова живота, чтоб и я въскорѣ там же былъ». И заплакал вельми от горести душевныя.

В то же время Магиленна вошла в больницу и ходила около больныхъ, и пришла к нему, и увидѣла его плачуща, вопрошала его: «Учтивый гостю, чего для таковъ печалень и для чего плачешь? Повѣдай мнѣ, какой тебѣ недостаток, чего тебѣ потреба? Скажи, я трудовъ своихъ не пожалѣю, принесу всего, чего душа твоя похочеть». Отвѣщал князь Петръ: «Святая мати, нѣтъ того, чего бы мнѣ недостававалось, всего въ достатокъ есть. А какъ помыслит человекъ на первое, щасливое, доброе время, то сердце его тѣмъ утѣшится, а какъ помыслит на свое нещастие и горесть, то сердце его закипитъ кровию, и нельзя ему что не плакать от такой тяжкой печали своей».

Кралевна же от него услыша, что онъ о причинахъ прежнихъ говорить, тѣшила его всяческими мудрыми неутѣшными словами и рекла ему: «Правда то есть, милый гостю, какъ прошлые времена вспомнишь, яко от добра да попал в нещастие и в великую горесть и во убожество, и вспомня то, конечно, сердце закипитъ кровию, и от того подымается болѣзнь. А то всегда на семъ свѣте бываеть, яко богатому, такъ и убогому. Не можетъ человекъ, чтобъ без какой печали

¹ сорочку.

и болѣзни вѣкъ свой прожить. А кая печаль кому приидеть, все то от Господа Бога, и о том намъ надобеть Бога молить всегда. Господь милосердь, наказав, помилуетъ». И утѣшила его и сама себѣ от печали. И хотя вѣдать от него, что за нещастье ево и от чего печаль имѣеть, и рекла ему: «Гостю милый, скажи мнѣ, отчего и какую имѣешь ты печаль?»

Князь Петръ рекль ей: «О великая мати святая, былъ единъ великий человекъ княжева роду, имѣлъ у себя супругу королевскаго роду, тѣ имѣли у себя одинаго сына и любили его паче мѣры, и тѣмъ старость свою утѣшали. Той ихъ сынъ услышалъ о единой прекрасной девице в ѣной земли, у великаго краля дщерь, которая вельми любила рыцерскихъ людей. И взявъ онъ себѣ в мысль, чтоб онъ ѣхалъ въ посторонние государства для славы и для той прекрасной королевны. И молилъ отца своего и мать, чтоб отпустили в посторонние государства для славы: рыцерскихъ дѣлъ заслужить и щастия своего отвѣдать. И они изволили его отпустить с великою жалостию. И какъ онъ приѣхал до того великаго краля, и былъ тамъ долгое время, гдѣ та прекрасная королевна была, что ея не было прекраснее, и тамъ много великихъ богатырскихъ рыцерскихъ людей съѣзжалося. И тотъ человекъ имѣ такое счастье, что не могъ никто с нимъ съѣзжаться и противъ его стоять. Для того былъ до него король и королева вельми милосерды, также и прекрасная королевна вельми его возлюбила. Потомъ тотъ рыцерь былъ призван тайно к той прекрасной королевне, и в томъ промежъ ими былъ совѣтъ великий. И потомъ зговорились, что ему в законномъ брацѣ и в любви жити до смерти и произволили на такое дѣло: тотъ рыцерь увезъ тайно ту прекрасную королевну у отца и матери, и бояся того, чтобъ его с нею не нашли, заѣхал в великий непроходный лѣсъ промежъ горами над моремъ, и тамъ они стали. И в то время королевна вельми утомилась от ѣзды и заснула, положила главу свою на колѣни того рыцера. И рыцерь, зря на прекрасное лице ея, и изумѣлся красоте ея, и забылъ Господа Бога, сталъ мыслить иное, неподобное дѣло. Потомъ сталъ смотреть бѣлого тѣла ея и разтегал у ней платье и на персях у нее узрил на снуркѣ узолокъ червчетой тафтяной, и взял развязаль его и нашель в немъ три перстни тѣ, что ему благословила милостивая мать его при отпуску, какъ ево отпуща из дому своего. И рыцерь, завязавъ тѣ перстни, положилъ тотъ узолокъ с перстнями подлѣ себя. И прилетѣвъ злыи воронъ и начаялся¹, что мясо лѣжитъ, и ухватилъ тотъ узолокъ с перстнями, и възлетѣвъ на древо. И видя рыцерь, что ворон унесъ перстни, опасался гнѣву королевнина, поднявъ главу ее тихо, сложилъ с колѣнъ своихъ и шедъ за вороном, метал в него каменемъ, чтобъ он, воронъ, тѣ перстни покинулъ. И ворон лѣтал з древа на древо, а рыцерь за нимъ ходил, метаючи в него каменемъ, и завель его вельми далеко от королевны, даже до губы морстей. И воронъ, залетѣвъ за губу, сѣлъ на камени, а рыцерь металъ в него каменемъ, и воронъ слетѣлъ с камени, гдѣ

¹ понадеялся.

сидѣль, и узолокъ опустил въ море. И рыцерь надѣялся, что воронъ тотъ узолокъ на той странѣ на камени покинул, ходя по берегу, искалъ лотки и нашель малую лотку, и с великою борзостію сълъ в нея гребя руками, и какъ онъ от берегу отплылъ, и сталъ великій вѣтръ и занесло ево в пучину морскую. А королевна осталась едина в том непроходном лѣсе. И помышляю я, что ея лютыя звѣри разтерзали. А то, святая преподобная мати, егда сие въспомню, без великой жалости и печали не могу быть».

И королевна тогда догадалась, что возлюбленный погибшій ея женихъ есть, не дая ему себя знать, от великой радости залилась слезами. А онъ того плачу не видалъ, потому что лице ее все укрыто было чернымъ, и была въ сердце своемъ вельми утѣшна о том, иже возлюбленнаго супруга нашла, а ему еще скажаться не хотѣла.

Яко королевна Магилена возлюбленнаго своего супруга познавъ. Рекла к нему королевна: «Учтивый гостю и милый приятелю! Мужескому сердцу достоинъ разумомъ разсуждати во всякой печали, хотя что и печально припадетъ, чтобъ того не допускать до сердца своего, потому что от того болѣзни разныя множатся, а достоинъ всякому мудрому человѣку всю свою жалость и печаль во всякихъ дѣлехъ на Господа покладать и у него помощи просить. Господь всемогущъ, что хошет, то и творить. А я чаю надежды, что Господь Богъ милостію своею утѣшитъ тя от печали твоей и возлюбленную твою невѣсту въ скоромъ часѣ узриши, такъже и до родителей своихъ въ добромъ здоровье увидиши. Печаль твоя обратится в радость, а о васъ стану Богу молиться, чтобъ васъ утѣшилъ милостію своею».

Такие радостныя рѣчи князь Петръ услышавъ, воставъ и сталъ ее молить и рекль: «О святая старица, преподобная мати, обрадова ты сердце мое и особливе утѣшины в тѣшкѣ печали моей, и вельми утѣшилося печальное сердце мое, и прошу милости: помолись за мя Господу Богу, въдаю то, что молитва твоя много мнѣ поможетъ».

То рѣкъши, хотя ей поклонится до земли, и королевна удержала его и не дала ему поклонится, и поднявъ, посадила его на постелю, и шла от него с великою радостію до церкви, и с великимъ плачемъ молилася Господу Богу за такую милость его. Потомъ шла до кѣльи своей и написала грамотку въ город Хотѣнъ к той господини, у которой жила три дни.

И послала к ней человека своего, давъ ему денги, чтобъ она накупила златоглавовъ и иныхъ всякихъ вещей и драгихъ поставовъ,* и жемчугу, и камня драгаго. И господиня то все искупила, что ей велѣно, и чаяла, что покупаетъ на церковное строение, и отослала тотъчасъ, не мешкая, и посланный покупку всю привезъ.

И королевна послала по добрыхъ мастеровъ портныхъ и указала себѣ платье дѣлать на королевскій извѣчай, и портныя мастера дивилися вельми тому пла-

тию, что они королевского платия прежде сего не дѣлывали. Потомъ указала купить драгихъ ковровъ и украсила обитиемъ всякимъ двѣ свѣтлицы: одну, гдѣ сама жила, другую подлѣ той.

Потомъ указала изготовить мыльню¹ и, по извычаю своему, шла въ больницу досматривать больныхъ. И осмотрѣвъ иныхъ больныхъ, пришла х князю Петру и рекла ему: «Приятелю милый, не хочу я, чтоб ты промежъ больными болѣ лежалъ, указала я тебѣ мылю изготовить, чтобъ ты с тѣхъ трудовъ своихъ от немощи обмылся, а я тебѣ послужу. Потомъ тебѣ дамъ особую свѣтлицу и постелю, гдѣ тебѣ быть упокойнѣе, чтоб ты въскоре от немощи здравъ былъ. А я имѣю надежду на Господа Бога, что милостию своею помилуетъ тя и обвеселитъ тя от печали твоей, и дастъ тебѣ видѣти въ короткомъ часѣ прекрасную твою кралевну Магилену».

Потомъ вывела его и привела въ мыльню, вымыла ему голову его и помазала благоуханными мастьми², потомъ указала его отвезти во уготованную ему свѣтлицу. Князь же Петръ вшедъ в ту свѣтлицу и удивился украшению ея, и рекль самъ к себѣ: «Истинно украшение в сей храмѣ не простова есть человѣка, вижу, что старица сия королевскаго роду, потому что сие украшение бываетъ въ королевскихъ и княжескихъ домѣхъ, а не у простыхъ людей».

Кралевна Магилена шла до своей свѣтлицы, обмывъ лице свое, надѣла на себя королевское платье и всячески украсилася, и, покрывъ голову свою тонкимъ платомъ, шла х князю Петру въ свѣтлицу. И вшедъ, рекла к нему: «О великий рыцерь, возлюбленный женише мой, князе Петре! Нынѣ развесели сердце мое, на которое многое время печаль была. А то я есть погибшая Магилена, возлюбленная твоя невѣста, для которой много зла претерпѣлъ, такъ же и я для тебя. Я есть она, которую ты взялъ из дому отца моего великаго краля Неополитанскаго. Я есть она, что тебѣ, приятелю своему, дала златую чепь, благословение матери своей, а к тому, возлюбленный женише мой, я есть та, по комъ печално сердце твое», и сняла зъ головы своя тонкий платъ, распустя долгиа власы свои.

Князь Петръ позналъ возлюбленную свою невѣсту, прекрасную кралевну Магилену. И какъ князь Петръ узрѣлъ возлюбленную свою невѣсту, которую долгое время не видал, воставъ с мѣста своего и обнел ее вельми любезно. И с той великой радости вельми плакали оба многое время, не могъ другъ другу слова промолвить. И прѣстали от великаго плачу, сѣли вмѣсте, другъ г другу различныя свои скорби и печали, бѣды сказывали, и была промежъ ими невымолвная радость, и не имѣли совершения³ рѣчамъ своимъ. А кралевна не могла насмотрѣться на возлюбленнаго своего.

¹ баню; ² мазями; ³ конца.

Потом князь Петръ сталъ розказывать, какъ былъ в великой милости у турецкаго царя, и яко выслужил много злата и сребра, и какъ то имѣние в бочкахъ погигло, и какъ самъ от великой жалости хотѣлъ утопиться во глубинѣ морстей. А кралевна такъже ему вспомянула, яко отецъ его и матери были у нее и какъ по немъ великую печаль имѣютъ, найпаче были печалны, какъ перстни въ морстей рыбѣ нашли. И какъ тѣ бочки с тѣмъ сокровищемъ ей достались, котрымъ сокровищемъ соорудила церковь и больницы, и весь тот день сидѣли въ великой радости.

И стала Магилена говорить, чтобъ учинить въскорѣ вѣсть отцу его и матери. Князь же Петръ рекъ к ней: «О возлюбленная моя душе, прекрасная кралевна! Будучи я на мори, обѣщался Господу Богу, чтоб в семь монастырѣ потруджаться един месяцъ».

Кралевна рекла к нему: «О возлюбленный мой приятелю, естли имѣешь такое обѣщание, то и мнѣ любо. Станемъ у Господа Бога вмѣсте милости просить, чтоб насъ Господь Богъ въ добромъ здоровье и въ счастливомъ пребывании соблюлъ. А мнѣ кажется добро, чтоб ѣхала ко отцу твоему и матери и про тебя сказывала, и постановила им день, о котором бы они приѣхали в сей монастырѣ по тебя. А матери твоя вельми ко мнѣ милосерда, а я про тебя имъ никакихъ речей не буду сказывать. Учиню про сие дѣло тайно».

Князю же Петру вельми та рѣчь полюбила. И какъ для того ночь приближися, кралевна Магилена с княземъ Петромъ простилась и шла до своей свѣтлицы и по извычаю своему многое время молилась Господу Богу, и от радости не возможе всю ночь уснуть, и мыслила, какъ бы лучше извѣстить про него отцу и матери. И князь Петръ так же молился Господу Богу, что ево свель с возлюбленную свою невѣстою, прекрасною кралевною Магиленою. И какъ день насталь, и кралевна востала вельми рано и надѣла на себя старицкое платье, шла в больницы и, осмотривъ немощныхъ, пришла к возлюбленному своему жениху, князю Петру, спрашивала его о здоровье, и мило поцеловались.

Князь же Петръ вельми дивился покою и трудомъ ея, и зря в такомъ платьѣ и рекъ ей: «Нынѣ вижу, возлюбленная моя, что меня милосердый Господь Богъ не для чего иного ис такого тяжелаго поганскаго¹ житья высвободил, только для твоего святаго жития».

И по многихъ рѣчах кралевна простилась и ѣхала ко отцу его и матери, и приѣхавъ до двора княжева, шла на двор. И какъ князь Вольфангъ и княгиня Петронила довѣдались о приѣзду старицы, дивовались тому, что приѣхала, и многое время ее молили, чтобъ въ дому нашемъ была, и никогда не хотѣла из монастыря выйти, а нынѣ сама приѣхала без прошения. И вышедъ князь Вольфангъ и княгиня Петронила с великою радостию и честию встрѣтили ее и взявъ въ полаты посадили подлѣ себя и великую честь воздали.

¹ здесь: мусульманского.

Потомъ княгиня рекла старице о возлюбленном сыне своемъ и стала горько плакать и рекла ей: «Никогда не будетъ сердце наше утѣшно от печали, покамѣсть подлинную вѣсть услышимъ о сыне своемъ: живъ ли или нѣтъ. И от печали сей немного намъ на семь свѣте жить».

Слыша то кралевна и рекла к нимъ: «Милостивый княже и милостивая княгиня! Вашему величеству и стану¹ непристойно, чтоб воле Божии противитися. Надобе во всемъ уповать на волю Божию, а не вдаваться в печаль и во отчаяние. А я к вамъ приѣхала для того, чтоб вамъ извѣстила, чтоб вы з большею вѣрою на Господа Бога уповали. И по изволению Божию въ скоромъ часѣ узрите сына своего. Повѣдаю вамъ: вчерашной нощи молилася Господу Богу и яви ми ся Господь Богъ, и привель есть с собою рыцера младаго, и рекль мнѣ: „Возьми сего, сей бо есть сынъ князя Вольфанга, по которомъ онъ въ великой печали часто пребываетъ. Иди к нимъ и возвѣсти имъ сие видѣние, чтоб приѣхали в сей монастырь”. И о томъ рекла я: „Милостивый Господи, что еще повелишь рабѣ твоей?” Господь же ми рекль: „Только ты поѣдь к нимъ и скажи имъ сие видѣние, они тому имуть вѣры”. И даде ми златую чепь, и рекль: „Возьми сию чепь, что мать его благословила, и покажи, чтоб они вѣру няли”», и вынявъ, показавъ имъ чепь.

Князь же и княгиня узрѣ, что чепь сына ихъ, что мать его благословила, и вельми возрадовались, и били челомъ старице за такие радостныя вѣсти. И великую честь воздали ей, и уставила имъ уреченный день, какъ имъ приѣхать въ монастырь свой. Они же с великою честью отпустили ее, и кручинное платье с себя сняли и обитие стѣнное черное въ дому своемъ указали снять, и всякими драгими и цвѣтнымъ обитиемъ украсили домъ свой.

Кралевна жъ, приѣхавъ въ монастырь, и шла к возлюбленному своему жениху и росказывала ему все подробну, какъ вельми радостны стали отецъ его и мати. И князь Петръ былъ вельми тому радъ. Потомъ указала кралевна Магилену дѣлать драгое платье, прежде — возлюбленному своему жениху, потомъ — себѣ, изготовила все, что надобѣтъ к приѣзду княжескому.

Князь же Вольфангъ с княгинею Петронилою, приѣхавъ въ монастырь, узрили сына своего князя Петра. И какъ день уреченный пришелъ, тогда Вольфангъ князь с княгинею своею Петронилою и с вельможами, и со всѣмъ княжениемъ своимъ во всякой красотѣ приѣхали в монастырь. Кралевна ихъ встрѣтила и повела ихъ въ церковь, и отслушавъ пѣнія, повела ихъ в ту свѣтлицу, гдѣ князь Петръ, и введши ихъ, рекла к нимъ: «Нынѣ узнавайте возлюбленнаго сына своего, той ли есть сынъ Вашъ?»

Егда князь Петръ увидѣлъ отца своего и матеръ, прииде к нимъ и палъ на ноги ихъ, и от великаго плачу, и от великой радости не могъ долго слова про-

¹ положению.

молвить. И от того часу узнали возлюбленного своего сына, и взявъ, стали его умильно цѣловать и любезно. Князь же и княгиня от великаго плачу своего не могли ни единого слова промолвить другъ другу. Потомъ съли и стали его ропсашивать, гдѣ онъ былъ и в которыхъ государствахъ. Онъ же имъ все подробну сталъ розказывать, гдѣ онъ былъ и что над нимъ дѣлалось. И в то время королевна вонъ вышла от нихъ въ свою свѣтлицу и, снявъ с себя черное платье, надѣла на себя драгое королевское платие, и всякимъ украшениемъ украсилася такъ, что сподивление. Потомъ шла въ свѣтлицу, гдѣ князь и со княгинею и с молодымъ княземъ Петромъ сидѣли, и въшедъ въ свѣтлицу во драгомъ королевскомъ одѣянии. Князь Вольфангъ и княгиня Петронила, видя такую прекрасную девицу, вельми тому издивилися, что откуда такая прекрасная девица взялася во драгомъ королевскомъ платьѣ.

Князь же Петр воставъ с мѣста своего и взявъ королевну за руку, обнявъ, поцѣловалъ ее. Князь и княгиня вельми тому дивовалися. Потомъ князь Петръ рекль: «Милостивый государю мой отче, великий княже, и милостивая моя государыня мати! Девица сия есть дщерь великаго краля Неополитанскаго, для которой я ѣхал из дому. Та многая время ждала меня во своей дѣвической чистотѣ и въ трудѣхъ своихъ соорудила церковь и больницы, и около больныхъ труждалася многое время. Та есть возлюбленная моя невѣста, тое увезъ от великаго краля Неополитанскаго, тое я погубилъ в далномъ и непроходномъ лѣсу».

Услышав то князь Вольфангъ и с княгинею своею пришли к ней блиско с великимъ подивлениемъ, и стали ее любезно цѣловать, и вельми радостны были, и хвалили Господа Бога, что дивные рѣчи учинилъ, и привелъ Богъ возлюбленного сына нашего, так же свелъ с прекрасною своею невѣстою. И шли всѣ вмѣсте в церковь, и молилися Господу Богу за такую его праведную милость к нимъ, и вельми стали веселиться, также и во всемъ княжении его бысть великая радость и дивная рѣчь. По той молитвѣ князь Вольфангъ и с княгинею своею и с княземъ Петромъ и с королевною Магиленою поѣхали в домъ свой. Мещане же и всякихъ чиновъ люди с великою честью и радостію встрѣчали князя Петра и королевну Магилену, и в подивление великое всѣмъ бысть.

Князь же Вольфангъ просилъ окольныхъ кралей и князей на радость сыну своему, князю Петру. Потомъ указалъ князь Вольфангъ писать листы ко всемъ окольнымъ кралямъ христіанскихъ земель: х королю французскому, к свату своему, х королю Неолитанскому, отцу прекрасной королевны Магилены, и до князей немецких, и указалъ подлинно ко всѣмъ писать про все ихъ прохождение печали и радости, и молилъ ихъ, чтоб они пожаловали приѣхать к сыну ихъ на бракъ и на веселие, поставил уреченный день веселию тому на день святыхъ апостолъ Петра и Павла. И какъ тѣ листы до кралей и до князей дошли, и дивилися всѣ, и поволители готовиться на ту великую радость.

А какъ листъ пришелъ до краля Неополитанскаго, отца кралевы Магилены, указалъ тотъ листъ предъ всѣми честь явственню, и от великия радости стал плакать, и послалъ х кралеве, и сказалъ ей все подробну, что в листѣ писано. И кралева, мать прекрасной кралевы Магилены, вельми рада была, и в великое подивление бысть всѣмъ. И указалъ отписать листъ х князю Вольфангу, и общался к нему быть на то общее великое веселие.

Потом князь Петр вспомня общание свое, что общался турецкому царю, бывъ у сродичевъ своихъ, приѣхать к царю турецкому въ турки. И не хотя слова своего рыцерскаго оболживить¹, мыслить со отцемъ своимъ, какъ бы то дѣло учинить, и приводя ему на память, что онъ великий и сильный въ воинствѣ, чтоб за ту ложь княжения нашего не разорилъ: «Мышлю я, чтобъ к нему слать листъ, а в немъ написать подлинно похождение мое и печали наши, и великое терпѣние, и тѣмъ писмомъ его увеселить, чаять, что он меня пожалуетъ, не вѣлить к себѣ быть». И написалъ листъ тѣмъ обычаемъ:

«Вольфангу княже вольный, княже Петре молодой службу свою великому и славному царю общаемъ и воздаемъ, слава и добродейство вашей царской милости не можемъ никоими словы вымолвить, что ваша государская милость неизреченная сыну моему указала бѣ. За такую вашу царскую милость всячески и вездѣ готовы милость вашу прославлять. При отпуску, милостивый царю, какъ былъ сынъ мой у твоей царской милости, общался быть к вашей государской милости», и написалъ все его похождение печали великие трудности и радости, и билъ челомъ по томъ, чтоб ему указалъ быть во своей земли у отца своего.

И какъ тотъ посланной до царя с тѣмъ листомъ приѣхалъ, и царь указалъ тотъ листъ предъ собою чести, и в великое подивление пришелъ, и все предъстоящие у него дивилися. И указалъ листъ отписать, и отпустил посланнаго тотчасъ, а с нимъ х князю Петру послалъ посла своего иеросалимскаго пашу, с великими дары.

И какъ на ту радость съѣхалися пограничныя короли и князи, и какъ при нихъ приѣхалъ посоль турецкий с великими дары от царя турецкаго. И какъ день уреченный той радости пришелъ, съѣхалось много кралей великихъ: 1) краль французской с кралевою, 2) краль португальской, 3) король аглинской, 4) кроль Неополитанской, отецъ прекрасной кралевы Магилены, 5) кроль сисуйской², 6) кроль флоренской и иныхъ много князей и владѣльцовъ вельми много, и никогда передъ тѣмъ такого съѣзду кролей и князей не бывало, что въ то число. А всѣ ѣхали на то веселие. Первое — для того, что Господь Богъ дивнымъ изволениемъ своимъ обою полу честныхъ людей по многихъ печалѣхъ свель в супружество, второе — для того, что видѣть красоту

¹ обмануть; ² вероятно, швейцарский.

кравлены Магилены, потому что пред тѣмъ по всѣмъ государствамъ та слава шла, что нигдѣ не было прекраснѣе ее.

И какъ изготовились совсѣмъ ѣхать к венчанию в тотъ же часъ приѣхал посланный, что посыланъ былъ от князя Петра к турецкому царю, а с нимъ приѣхал турецкаго царя посоль с великими дарами, а в то время совсѣмъ были готовы ѣхать к венчанию к церкви святыхъ апостолъ Петра и Павла въ монастырь, гдѣ кравлена труждалася.

Услышав князь Петръ о турецкомъ послѣ, билъ челомъ всѣмъ, чтоб помешкали, а дождалися посла. Услыша то князи и крали о приѣзде турецкомъ послѣ, сошлися всѣ во едину палату и сѣли по мѣстамъ своимъ. И в ту палату указаль князь Вольфангъ турецкому послу быть, и указал царские листы честь, а были написаны тѣмы слова:

«Салтанъ Ахметъ, великий и непобѣдимый турский царь, Вольфанговѣ князю и младому князю Петру милость и тишину неразрушиму вѣчную кажемъ к вамъ. Вельми тому мы, царское наше величество, утѣшны, что князь Петръ намъ вѣрно служилъ. И вѣдаемъ то, конечно, что слова своего рыцарьскаго держится и хотѣлъ к намъ, великому государю приѣхать и служить по-прежнему. А то по многихъ различныхъ печалех своихъ приѣхал в добромъ здоровье к сродичамъ своимъ, и мы вельми о томъ веселимся. А иже милостию Божиею с великимъ подивлениемъ погибшую свою невѣсту обрѣлъ въ государствѣ своемъ, и мы рады слышати о томъ, не только мнѣ что учинить в разлучении обѣихъ васъ, но естъли бы мочно царскому величеству нашему, чтоб сами особою своею были на такую великую радость вашу и дивныя дѣла Божия. А что намъ самимъ ѣхать невозможно, то посылаемъ вмѣсто себя царю посла своего вѣрнаго Магмѣта Брагима, иеросалимскаго пашу, чтоб онъ вамъ повѣдалъ милость мою царскую. И князя Петра за его вѣрную службу к намъ, великому царю, и ко всему нашему государству и его славу выхваляемъ и чинимъ¹ его волнымъ. А за такую вѣрную его службу и за слово неизмѣнное твое, что онъ здержалъ и хотѣлъ к намъ, царскому величеству, приѣхать и служить, и мы, великий государь, жалуемъ тебя. И послали к тебѣ, князю Петру, и невѣсте твоей, прекрасной кравлене Магилене, дары».

Потомъ посоль указал принести драгие дары. Первѣе подалъ князю Петру драгую чѣпъ со алмазовъ и яхонтовъ и с ызумрудовъ и с иныхъ драгихъ каменьевъ, а дѣлана та чѣпъ невѣсте ево, прекрасной кравлене Магилене, и великия драгия запаны, да к вѣнчанию два драгихъ перстневъ з драгими каменья, поднесъ же имъ по 12 златыхъ купковъ вельми дивной работы учинены и з драгими каменья.

И все крали и князи на своихъ мѣстахъ сидя, вельми тому великому дару подивилися и в великой чести от царя турецкаго.

¹ делаем.

И какъ посольство отошло, и посол с великою честью к царю турецкому отпущень, потомъ ѣхали к вѣнчанію въ монастырь, гдѣ королевна была, к церкви святыхъ апостолъ Петра и Павла и, приѣхавъ, вѣнчались.

И в то время прекрасная королевна Магиленна разцвѣла, стоя въ красотѣ своей, яко солнце промежъ звѣздами, что всѣ предстоящие красотѣ ея издивилися, и всѣ Господа Бога хвалили, яко богатые, такъ и убогие, что Господь дивными своими дѣлы изволил свести ихъ въ законный бракъ. И по вѣнчанію, какъ вышли ис церкви, ударили въ политавры и заиграли въ шаломей, и в ыные различные игры.* Потомъ ѣхали въ домъ свой с великою радостію, и были на томъ веселии кроли и князи 14 дней, и всякие игры различные и утѣхи были. И по той великой радости и веселию разѣхались кроли и князи с великимъ веселиемъ и радостію въ государства своя.

Князь же Петръ съ княгинею своею с прекрасною королевною Магиленою стал жить въ добромъ совѣте и в великой любви. Отецъ же его, князь Вольфангъ, пожилъ немногое время, преставися и с княгинею своею Петронилою. А князь Петръ жилъ послѣ отца своего 80 лѣтъ и преставився. А послѣ ево остался сынъ и правил княжение отца своего такъ мудро, какъ и отецъ его, князь Петръ.

И тако скончася повѣсть сия. Аминь.

Списана сия повѣсть въ 1702 году августа въ 24 день.